

9192

П 645

А. И. ПОТЫЛИЦЫН

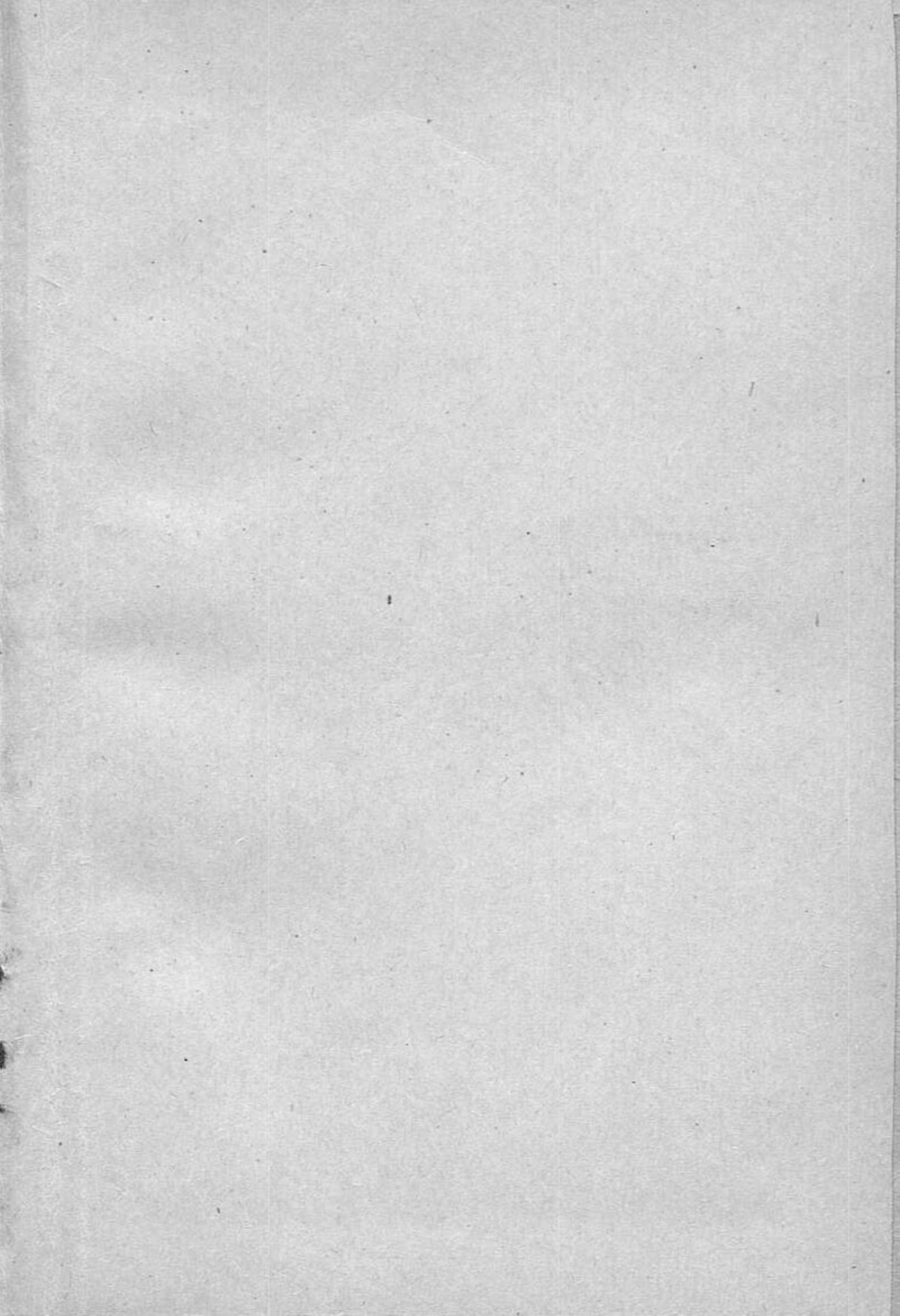
БЕЛЫЙ ТЕРРОР

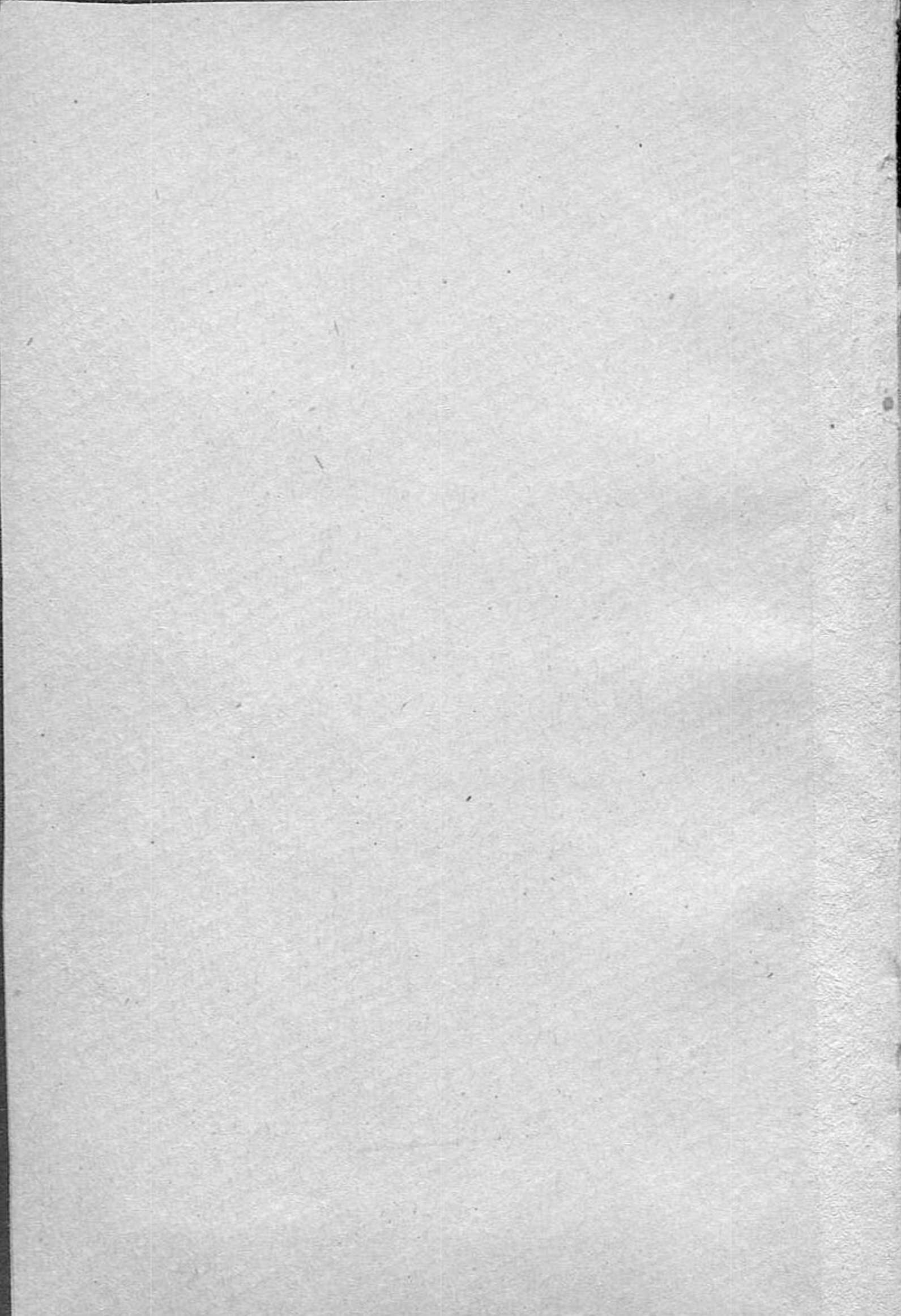
НА СЕВЕРЕ

В 1918-20 ГГ.

ИСТПАРТОТДЕЛ СЕВКРАЙКОМА ВКП(б)

ИСПАРТОТДЕЛ СЕВКРАЙКОМА ВКП(б)

32
n-64.

А. И. ПОТЫЛИЦЫН

С 9/с/2
П 645

БЕЛЫЙ ТЕРРОР НА СЕВЕРЕ 1918 — 1920

1948

0276M

149758

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2010.
ИЗДАТЕЛЬСТВО СГЖИ

СГИЗ РСФСР

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1966 г.

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХАНГЕЛЬСК

1 9 3 1

008

1935

7050

9/с/2

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От Истпарта	3
Вместо предисловия	3
I. Северная контрреволюция	7
II. Губернская тюрьма	21
III. Большевистское подполье	30
IV. Террор в уездах	35
V. Мудьюг	45
VI. Иоканьга	61

2002

2002

Техредактор А. А. Ве]селовская

Севкрайлит № 1742—август 1931 г.
С-44, Огиз № 49 (Сев. кр. изд.). Зак. № 2341
Стат. форм. бум. 82X111, 4 1/2 п. л. 1/10, 3 1/4 а. л.
Тираж 10200 экз.

Сдано в производство 17 авг. 1931 г.
Подписано к печати 1 ноября 1931 г.

Отпечатано в тип. Севкрайполиграфтреста № 2
«Северный печатник», Вологда, ул. К. Маркса, № 70

Январь
20 11 г.

ОТ ИСПАРТА

Работа тов. Потылицына, являясь одной из брошюр популярной серии, выпускаемой истпартом Севкрайкома ВКП(б), рассчитана на широкий круг читателей.

Почти во всех ранее вышедших изданиях Истпарта недостаточно освещена роль рабочего класса в революционном движении на Севере, а также недостаточно показана деятельность кулачества как одной из активных контрреволюционных сил, на которую особенно опирались интервенты и белогвардейщина. Эти недочеты, к сожалению, в известной степени имеются и в данной работе тов. Потылицына, но в целом она как популярная брошюра в достаточной мере воспроизводит основные наиболее характерные черты белогвардейского террора на Севере в периоде интервенции.

ИСПАРТОТДЕЛ СЕВЕРНОГО КРАЙКОМА ВКП (б)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В июле-августе 1931 года исполнилось тринадцать лет со времени занятия бывшей Архангельской губернии союзниками-интервентами и русской белогвардейщиной. Девятнадцать месяцев, с августа 1918 по февраль 1920 года, половина нынешнего Северного края находилась под властью белых. В данное время, когда рабочий класс, колхозное и бедняцко-средняцкое крестьянство под руководством коммунистической партии завершают построение фундамента социалистической экономики, когда при этом развернулась особенно обостренная классовая борьба в городе и деревне, следует вспомнить о пройденных этапах, о героических годах гражданской войны и союзнической интервенции, чтобы учесть опыт прошлого для работы и борьбы в настоящее время.

В предлагаемой читателю брошюре о белом терроре рассказана лишь незначительная часть того, что пережили и выстрадали трудящиеся Севера от белых интервентов.

Англичане, французы, американцы славятся своей сыской полицией. И в захваченной ими Северной области они вполне оправдали свою репутацию в этом деле. Вся область оказалась опутанной сетью контрразведок. Яркое, несравнимое по своей убедительности представление о союзнической контрразведке и способах ее «работы» в Архангельске дал американский писатель Эптон Синклер в широко известной книге «Джимми Хигинс». Достаточно вспомнить, что мурманский «концентрационный лагерь для военнопленных» с его сверхкаторжным режимом тоже был созданием союзников.

Результат 19-месячного хозяйничанья белогвардейцев и интервентов не исчерпывается только потоками крови и слез, пытками, тысячами расстрелянных и замученных. Ко всему пережитому и выстраданному прибавляется еще разорение народного хозяйства.

По неполным, основанным на документах таможни и др. учреждений данным, ущерб, понесенный Севером (бывшая Архангельская губерния) от интервенции, превышает 220 миллионов рублей. Однако действительный ущерб не поддается точному учету, так как интервенты, будучи хозяевами, большую часть богатств края вывозили беспошлинно и бесконтрольно. Приблизительный подсчет дает сумму свыше 649 миллионов рублей.

Убытки по отдельным их видам представляются (в переводе на золотой рубль) в следующем виде:

Вывезено союзниками льна, лесоматериалов, пушнины, смолы и др. на сумму 50 144 000 руб. Убытки по сельскому хозяйству исчисляются в 70 483 000 руб. Убытки Архангельского военного порта — 6 990 000 руб. Сожжено и разрушено жилых помещений и служебных построек, убито, угнано скота, расхищено имущества и пр. на сумму 12 994 000 руб. Уничтожено, испорчено пароходов, непаровых судов и другого имущества на 8 379 000 руб. и ряд других убытков, исчисляющихся миллионами рублей.¹

Чтобы получить отчетливое представление, какой ущерб нанесла нам интервенция, сопоставим цифры убытков от

---

¹ Приведено по работе проф. Любимова — Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия.

интервенции с цифрами капиталовложений по пятилетнему плану народного хозяйства Северного края.

Как сказано выше, приблизительный ущерб, понесенный Севером от интервенции, выражается в сумме свыше 649 миллионов руб. Пятилеткой на развитие и реконструкцию лесной промышленности края намечено вложить до 430 миллионов рублей, из них на строительство новых предприятий лесной промышленности 270 миллионов рублей. На эти 270 миллионов рублей должно быть выстроено по разным районам края 21 лесопильный завод, 3 столярно-строительные фабрики, 5 целлюлозных заводов, целлюлозно-бумажный комбинат, 6 канифольных и лесохимических заводов, древесно-массная фабрика и ряд других предприятий лесобрабатывающей промышленности.¹

Настоящая работа о белом терроре на Севере написана в исполнение плана работ Истпартотдела Севкрайкома ВКП(б), и с рядом других, намеченных к изданию популярных работ, она ставит задачей рассказать о классовой борьбе, о борьбе угнетенных с угнетателями в ее высшем проявлении — во время гражданской войны.

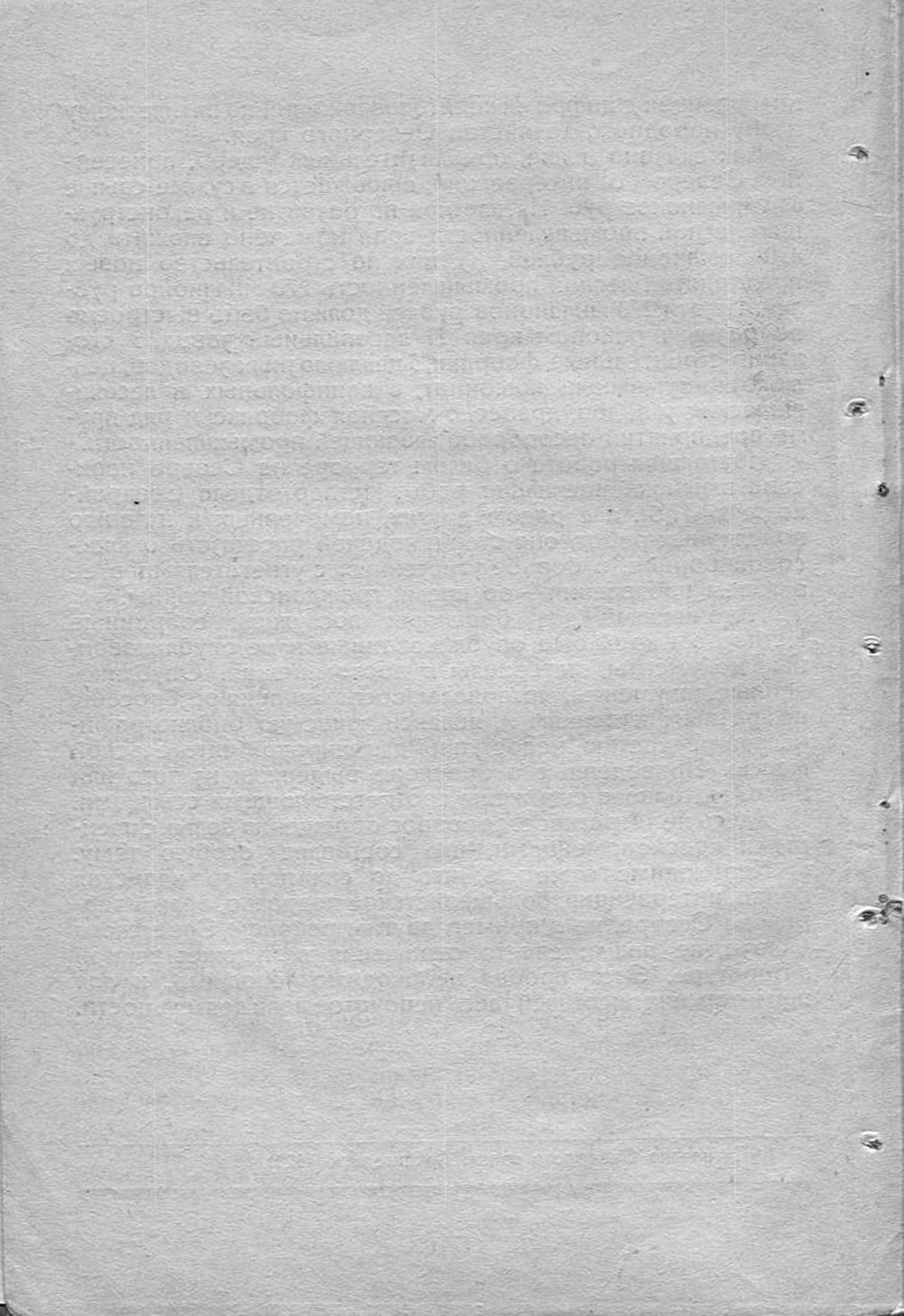
Источниками для брошюры послужили собранные Истпартом крайкома опубликованные и не опубликованные документы, материалы и воспоминания. Опубликованные документы, материалы, воспоминания разбросаны по разным изданиям и, являясь зачастую библиографической редкостью, недоступны для широкой читательской массы. Приведенные в брошюре выдержки из того или иного материала снабжены соответствующими ссылками.

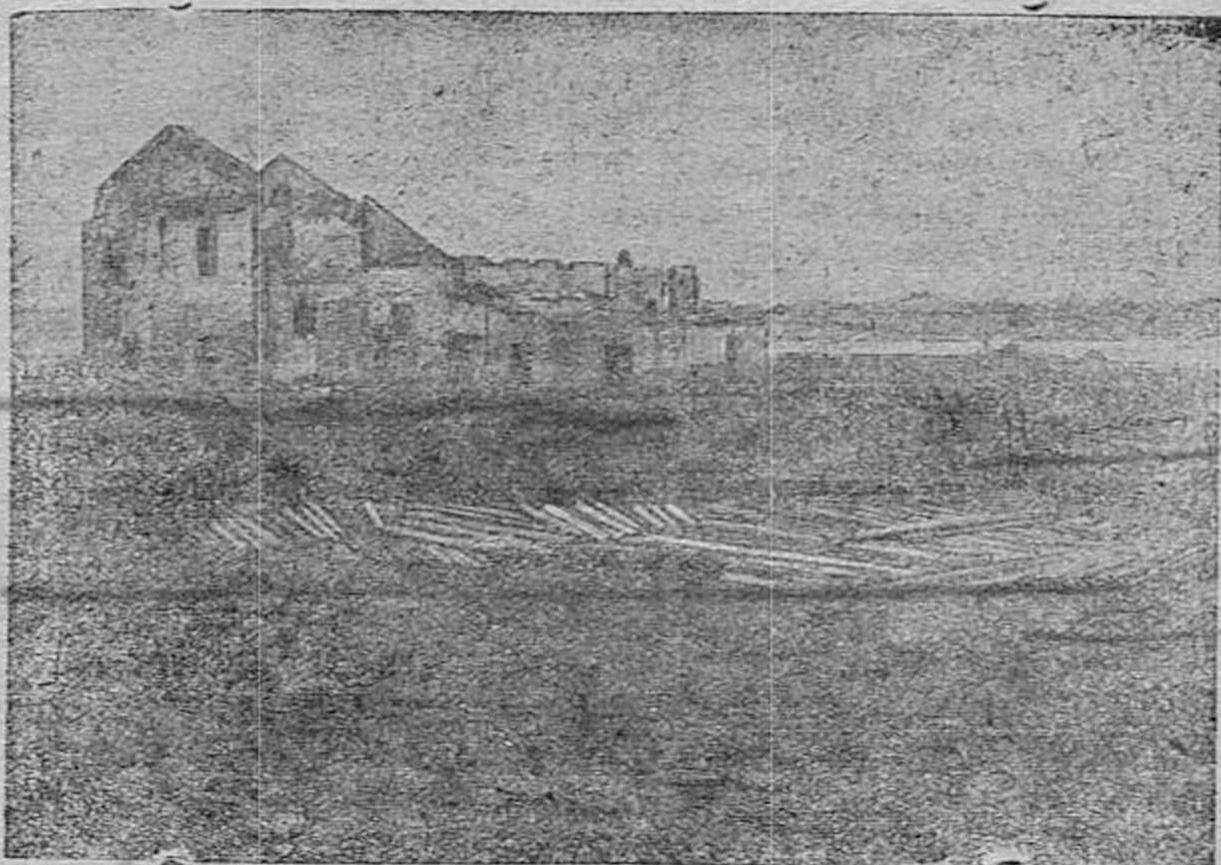
Здесь не затрагивается вопрос обращения белых с пленными красноармейцами, что составляет особую тему.

Необходимо отметить, что до сих пор гражданская война, интервенция, большевистское подполье, белый террор на Севере, не в пример другим районам Советского Союза, не нашли своего отражения в художественной литературе. Этот пробел необходимо заполнить, и для пролетарских писателей здесь непочатое поле деятельности.

---

¹ «Пятилетка Северного края». Архангельск. 1929.

1. Сожженный лесопильный завод в Маймаксе

I. СЕВЕРНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Причины интервенции

События 1918—20 гг., развернувшиеся в бывшей Архангельской губернии и на Мурмане, являлись одним из звеньев похода международных империалистов и отечественной контрреволюции для удушения советской республики.

25 октября 1917 года II Всероссийский съезд советов послал всем воюющим странам радио с предложением о мире. Но ни одна из «держав» на заключение мира не согласилась. Только 3 марта 1918 года, после продолжительных переговоров в Бресте, мир с Германией был подписан, и Советская Россия вырвалась, наконец, из империалистической бойни.

До заключения мира между Россией и Германией Антанта намерений вооруженного вмешательства по

отношению к Советской России не проявляла. Она надеялась на безуспешность мирных переговоров в Бресте, что вынудит Советскую Россию продолжать «войну до победы», — да и вообще не считала советскую власть долговечной. Но брестский мирный договор был подписан, многочисленные белогвардейские выступления успеха не имели, советская власть не рухнула, — и союзные державы перешли к активной борьбе на новом — противосоветском — фронте.

Посольский корпус союзников стал центром контрреволюции в России. Дипломатическая неприкосновенность послов использовалась ими для организации заговоров, выступлений против советской власти. Исключительная враждебность к советам была намеренно подчеркнута переездом послов из Москвы в захолустный город — Вологду. Выбор Вологды не являлся случайностью. Вологда привлекала союзных послов как важный стратегический пункт, связанный железными дорогами с Архангельском, через Вятку — Урал — с Сибирью, где уже высадился японский десант; как пункт, из которого удобно руководить контрреволюционной деятельностью, менее подвергаясь опасности быть пойманными, нежели в Москве.

Контрреволюционная работа союзных послов в Вологде началась с установления связи с русскими монархическими организациями, «Союзом возрождения», эсерами, кадетами. Военные миссии союзников разрабатывали техническую подготовку вооруженных выступлений. Одним из таких выступлений явилось поднятое эсерами на союзнические деньги (по признанию Савинкова на суде, эсеры получили от союзников 2 миллиона рублей) ярославское восстание белого офицерства и кулачества и тесно связанное с ним по времени и действующим силам — шенкурское восстание в июле 1918 года.

После Брестского мира и роспуска Учредительного собрания интервенция союзников была уже решенным делом, но не имелось благоприятного предлога для выступления, так как единственный выставившийся ранее повод — «борьба с германской опасностью» — отпал. Для интервенции теперь уже требовалось «восстание русского народа» против большевиков, но действительный народ — рабочие и крестьяне России, только что совершившие величайшую революцию, — этого делать не собирался, и как эсерово-кулацкое восстание в Ярославле, так и ряд

других попыток этого рода были быстро подавлены. К тому же самое значительное — ярославское — восстание, наспех поднятое, оказалось преждевременным, так как у союзников еще не был готов десант для занятия Архангельска.

Каковы же главные причины интервенции? Вдохновителями, организаторами и исполнителями интервенционистских планов явились Англия и Франция. Высадка десантов во Владивостоке и на Мурмане обосновывалась ими необходимостью охранять союзнические запасы, главным образом — военное снаряжение, и противодействовать захвату России немцами. Но после Брестского мира эти доводы повисли в воздухе. Истинные причины интервенции, разумеется, замалчивались, так как они коренились в своекорыстных экономических интересах господствующих классов «великих держав».

Русская промышленность развивалась при значительном влиянии англо-французских капиталов. К 1917 году в русской промышленности, торговле и банках было вложено 2242974600 рублей иностранных капиталов. Из этой суммы 54,7% приходилось на важнейшие отрасли народного хозяйства — горную и металлургическую промышленность — металл, нефть, каменный уголь. Кроме того, царская Россия осталась должна разным странам по внешним довоенным займам 4066 млн. руб. и имела военных долгов на сумму 7745900 тыс. руб. Большая часть русских банковских акций была скуплена по дешевке теми же странами, что позволило им контролировать всю банковскую систему России. Между тем Октябрьская революция 1917 года просто вычеркнула все долги, в промышленность и все хозяйство страны перешли к победившему пролетариату. Помимо миллиардных долгов и капиталов в промышленности, сама Россия, истощенная империалистической и начавшейся гражданской войной, казалась империалистам легко достижимой соблазнительной приманкой как непочатая сырьевая база и огромный рынок сбыта, как страна, которую можно поставить в полную от себя зависимость. В частности, Англию влекли еще лесные богатства Северного края. Она также боялась за свои колонии в Индии, граничащей с Советской Россией.

На ряду с указанными, одной из главных причин интервенции являлось, — и является в подготовляемой вновь

интервенции, — несовместимость сосуществования социалистической системы с капиталистической. Мировой капитал в советах увидел смертельную угрозу своему существованию. Пример России, где у власти встал рабочий класс, действует заражающе на пролетариат капиталистических стран. Капиталисты сразу же поняли и правильно оценили Октябрь 1917 года как начало мировой социальной революции. Экономические и политические интересы каждого империалистического государства в отдельности и страх своей гибели — объединил весь капиталистический мир на борьбу против страны диктатуры пролетариата. В частности, на Севере действовали вооруженные силы Англии, Франции, Америки, Италии, Сербии, и даже «нейтральная» Дания поставила свой батальон.

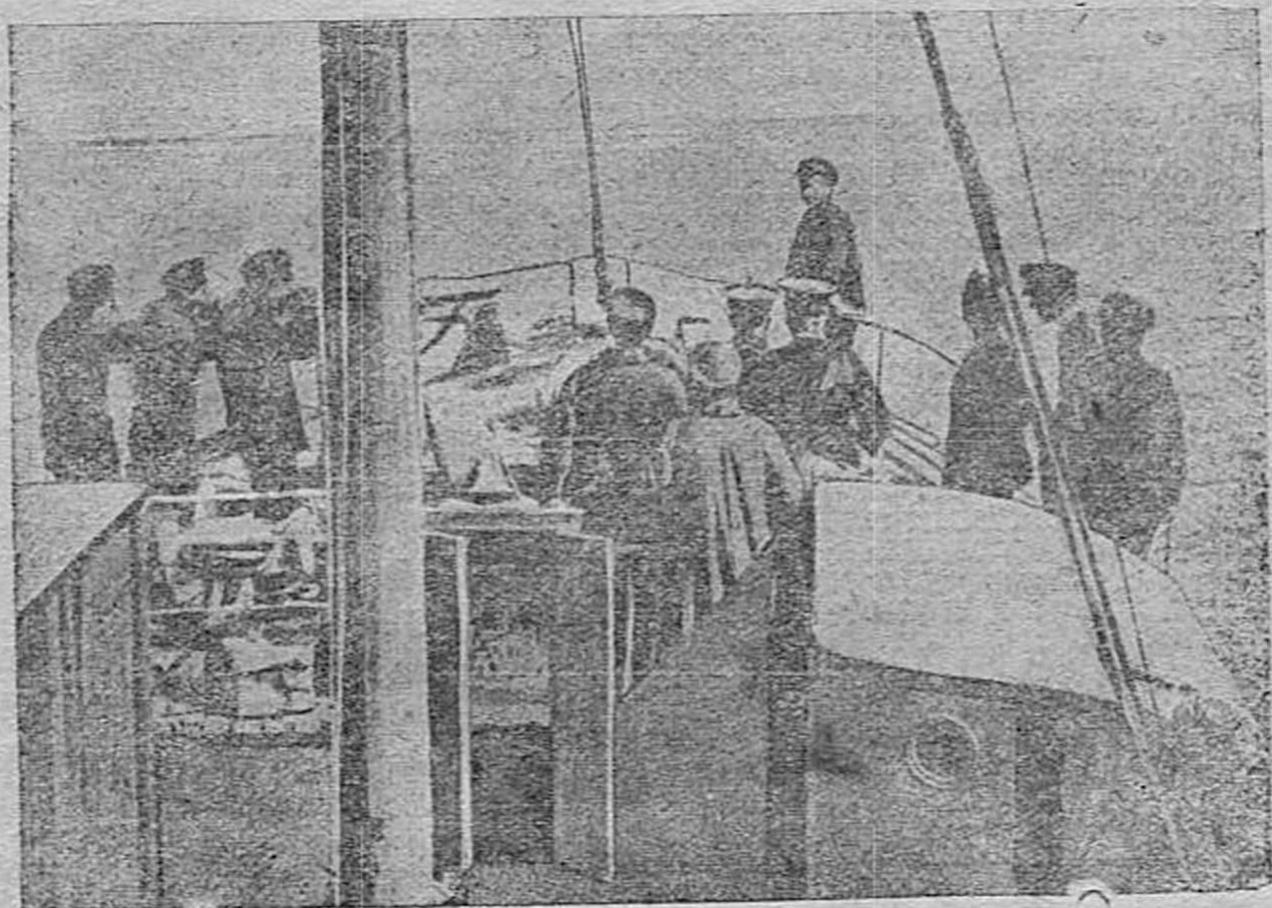
Падение Архангельска

Начало вооруженной интервенции на Севере принято относить к 2 августа 1918 года, когда союзническая эскадра, разгромив мурманские батареи, встала на рейде перед Архангельском. Фактически же интервенция на Севере началась в июне-июле 1918 года, а до этого проходила в скрытой форме. На Мурмане интервентам содействовал изменивший советской власти Мурманский совдеп, который 2 марта 1918 г. пришел к соглашению с английским и французским военным командованием о совместных действиях против немцев.

Союзники, разумеется, обещали не вмешиваться во внутренние дела Мурманского края, оставив в дураках деятелей Мурманского совдепа, поверивших на слово в политике. Дружба дружбой, а англичане тем временем прибирали богатый край к своим рукам и хозяйничали по своему усмотрению. Расшаркиваясь в любезностях перед Мурманским совдепом, они в начале июля разогнали Кемский уездисполком, расстреляв его трех лучших членов Каменева, Малышева, Вицупу.

Более чем за два месяца до высадки англо-французского десанта Архангельск усиленно наполнялся белогвардейским офицерством, шпионами и лицами «союзнической ориентации». Через Архангельск же направлялись итальянские, сербские и др. эшелоны военнопленных б. австрийских подданных как возвращающиеся на родину,

но значительная часть этих эшелонов, будучи вооруженной, осталась в Архангельске. Губисполком, не без оснований опасаясь скопления враждебных сил, потребовал выселения сербов и итальянцев из Архангельска, они, несмотря на протесты английского и французского консулов, обезоруженные отрядом моряков и латышских

2. Расстрел англичанами коммуниста Герасимова в Онеге
Август 1918 г.

стрелков, были отправлены в Москву. Характерная особенность: французский консул распоясался настолько, что на заседании губисполкома 2 июля 1918 г., где решали вопрос о высылке сербов и итальянцев, заявил, что «члены губисполкома за свои незаконные действия ответят перед трибуналом той страны, которая в дальнейшем в Архангельске окажется хозяином». Таким образом, главный враг — французский консул за месяц до оккупации Архангельска счел нужным открыть карты давно затеянной империалистами игры.

Экономическое положение Архангельска и Архангельской губернии накануне интервенции было тяжелым. Промышленность была расшатана войной, не имелось

продовольствия, надвигался голод, на чем широко спекулировали эсеры. Здесь только к середине 1918 года ликвидировали земство, а местами не переизбранные с Февральской революции советы крестьянских депутатов попрежнему вели политику кулацких земских управ. В Архангельске до его падения выходили эсеро-меньшевистские газеты.

Малочисленная большевистская организация, при отсутствии кадра старых партийцев, не могла развернуть свою деятельность в рабочих районах, охватывая только город, а деревня обслуживалась отдельными группами или одиночками-фронтовиками, не связанными с Архангельским комитетом партии.

Архангельск, наводненный офицерством, шпионами, неблагонадежными воинскими частями (отряд Берса) с высшим командованием, работавшим на интервентов (адмирал Викорс — морской штаб, полковник Потапов — командующий вооруженными силами Архангельска и др.), не представлял никаких трудностей для взятия его с моря. 1 августа были разбиты наши батареи на о. Мудьюге в устье Двины, а днем 2 августа изменивший Берс с отрядом горцев занял эвакуированный Архангельск. В 6 час. вечера архангельская буржуазия встречала высадившийся десант союзников.

«Демократические свободы»

Днем 2 августа, сразу же после ухода советских частей, в Архангельске объявилось состряпанное еще в Вологде во время пребывания там союзных послов (в чем признался и генерал Марушевский) «Верховное управление Северной области» в составе: Чайковский — народный социалист, Лихач — эсер, Маслов — эсер, Иванов — эсер, Гуковский — эсер.

Герои пышной фразы — эсеры в лице «правительства Северной области» выступили с широковещательной декларацией, где каждый пункт сопровождался припевом — «во имя спасения родины и революции»... Как они спасали родину и революцию, доказало 19-месячное пребывание белогвардейщины и интервентов на Севере. Многократная смена правительств, переход «власти» к «левым», «правым» и т.п. канитель нас интересуют мало, так как действительной

властью оказались интервенты — английское военное командование. Эсеры являлись только исполнителями воли заморских господ.

На ряду с объявленной правительством свободой слова, собраний, печати и т. д., правительственный комиссар губернии Старцев выпустил обязательное постановление: «... со 2 августа всем типографиям воспрещается без моего разрешения печатать какие-либо воззвания к населению как от имени отдельных политических партий, так и от имени организаций и частных лиц», а распоряжение английского генерала Пуля коротко и ясно гласит: «всякие собрания, митинги и прочие сборища как на улицах, так и в общественных местах и частных квартирах — запрещаю. Неисполнение или нарушение сего приказа влечет за собой предание виновных военно-полевому суду». Печатать что-либо разрешалось правительственным комиссаром, на деле — союзной контрразведкой, так как даже официальный орган Верховного управления Северной области — «Вестник» находился под союзнической цензурой, отмены которой для «Вестника» тщетно запрашивало Верховное управление.

Образовавшийся северный фронт не имел решающего значения для Советской России. Главные силы Красной армии находились на других, более важных в стратегическом отношении, фронтах. На Севере был выставлен только заслон, закрывший продвижение белых вглубь страны. Эсеры получили возможность осуществлять свою программу. «Демократическая» практика эсеров в союзе с интервентами началась. Эта практика сказалась проведением четкой классовой линии исключительно в интересах предпринимателей и капиталистов. Через неделю после установления новой власти промышленные и торговые предприятия были возвращены прежним хозяевам. В опубликованной эсерами декларации о свободах 7 пунктом обещается «охрана интересов труда в согласии с экономическими и политическими интересами как Северного края, так и России». Первым мероприятием эсеро-вского правительства в области «охраны интересов труда» была отмена декрета о фабричном контроле, без замены государственным контролем, что ставило заводы и рабочих в полную зависимость от предпринимателей без вмешательства в дела последних кого бы то ни было. Предприниматели, опираясь на отмену рабочего контроля

повели усиленное наступление против рабочих и их профессиональных организаций. Рабочие, занимавшие какие-либо выборные должности, выбрасывались с производства с ярлыком «неблагонадежных», работники завкомов не оплачивались, помещения профсоюзов отбирались, а оставленный в силе советский закон о социальном страховании заводчики не считали нужным выполнять, оставив рабочих без медицинской помощи. Свой беспримерно наглый обман рабочих эсеры пытались прикрыть созданием особого «смешанного комитета» из представителей от предпринимателей, органов власти и рабочих, который должен был рассматривать и улаживать спорные вопросы «работодателей и рабочих». Перевес в таком комитете, разумеется, был на стороне правительства и предпринимателей, так как в него входило по 6 представителей от предпринимателей и рабочих, по 1 представителю от отделов торговли и промышленности, финансов и труда.

В земельном вопросе эсеровское правительство сочло нужным заявить о «действительном обеспечении прав трудящихся на землю», в то время как действительные, не декларативные права крестьянства на землю были завоеваны Октябрьской революцией 1917 года.

Под прикрытием эсеровских обещаний буржуазия организовала свои силы. 5—6 сентября Верховное управление оказалось арестованным группой офицеров и, как отслужившее положенное капиталистами время, сослано на Соловки. С Соловков «правительство» возвратилось по воле союзников с тем, чтобы передать власть генерал-губернатору. В Архангельске установилась диктатура английской военщины в лице генерала Пуля, Айронсайда и союзнической контрразведки, диктатура белого террора.

«Отечественная» и зарубежная контрреволюция после безуспешных надежд на падение советской власти, после многочисленных, потерпевших поражение заговоров, покушений и вооруженных выступлений, завопила о красном терроре с целью прикрыть начавшуюся вооруженную интервенцию и оккупацию отдельных областей. Не лишне сопоставить кампанию 1918 года о «красном терроре» с многочисленными кампаниями последующих лет. На протяжении 13-летнего существования советской республики антисоветские выступления капиталистов представляют своеобразный конвейер подготовки интервенции. Достаточно вспомнить «письмо Зиновьева» и последовавшую

за ним целую серию «писем» и «документов» Коминтерна, недавнюю шумиху с пропавшим белогвардейским генералом Кутеповым, крестовый поход папы римского с попами всех направлений и толков, «советский демпинг» и, наконец, новинку последнего выпуска — «принудительный труд в СССР». Сущность этих кампаний лжи и клеветы — подготовка интервенции — каждый раз доказывалась фактами и, особенно, всколыхнувшими весь мир процессами «промпартии» и меньшевиков.

Вопреки воплям зарубежной и русской буржуазии с эсерами и меньшевиками о «красном терроре», Советская Россия до сентября 1918 года террора как средства подавления контрреволюции не применяла. Красный террор явился ответом на белый террор, когда контрреволюция, потеряв надежду на падение советской власти, перешла к активным действиям организацией вооруженных выступлений и террористических актов против вождей революции. Советской властью были освобождены арестованные министры и государственные деятели эпохи Керенского. Был отпущен и генерал Краснов, впоследствии оплевавший данное им «честное слово офицера», что он никогда не будет бороться с советской властью.

На Севере, куда Октябрьская революция докатилась позднее, где лишь в 1918 году были по-настоящему задеты собственные интересы буржуазии и кулачества, сопротивление этих классов вылилось в кулацкие мятежи (Шенкурск, Емецк, Холмогоры, Кемь), с убийствами и преследованиями советских работников. В связи с этим советской властью (комиссия тов. Кедрова) был расстрелян передавшийся интервентам командир 1 сов. полка Иванов, после похороненный архангельской буржуазией и белогвардейцами с большими почестями. Никаких насилий, убийств, о чем расписывала белогвардейская и зарубежная печать, проявлено не было.

Говоря о терроре, мы должны иметь в виду его классовую сущность. Отношение нашей партии к террору было определено выражено Лениным еще в 1901 году: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения при известном состоянии войска и при известных условиях.»¹

¹ Собр. соч., т. IV, стр. 103. (3-е изд.).

Пролетариат применяет красный террор как одно из средств классовой борьбы, а буржуазия свой белый террор превращает в средство управления, когда ее политическое положение господствующего класса становится неустойчивым.

3. Начальник белогвардейской контрразведки Рындин

Красный террор в России нашел свое применение не в начале Октябрьской революции, а значительно позднее, — в 1918 году, когда контрреволюция, собрав силы, вместе с интервентами пошла на удушение пролетарской революции. Таким образом красный террор был именно одним из военных действий, примененным при известных условиях — в гражданской войне.

Белый террор, — мы возьмем только Северную область, — в руках ставших у власти буржуазии и интервентов стал системой управления, так как политическое положение белых было неустойчивым: ра-

бочий класс, бедняцко-средняцкое крестьянство и составленная из них белая армия относились к своим поработителям враждебно, при чем белый террор, не ограничиваясь истреблением классовых врагов буржуазии, сопровождался, как мы увидим дальше, исключительными жестокостями.

Англичане и французы, в совершенстве владеющие методами подавления революционного движения в своих странах и колониях, эти методы перенесли в захваченную ими область. Чувствуя ненависть всего трудового населения, они сразу же по занятии Архангельска организовали широчайшую сеть шпионажа, подкупов, всемерно поощряя доносы. Не зря у П. П. Рассказова, про-

шедшего губернскую тюрьму, военнокаторжную тюрьму Мудьюг и, в качестве заложника, тюрьмы Франции, вырвалось: «Возможность для сведения личных счетов самая неограниченная, а гарантии не оказаться через несколько минут в тюрьме — никакой».¹

«Каждая организация имела свой следственный аппарат, свою контрразведку: гражданские власти имели свою чрезвычайную следственную комиссию, облеченную полнотой власти, с рядом отделений даже в сельских местностях, русские военные власти создали свою охранку, а кроме того при каждой иностранной части существовали в свою очередь отделения контрразведок.

Буквально на каждого жителя по шпиону: царская охранка была безобидным и очень мелким по охвату учреждением по сравнению с этой густой сетью контрразведок».²

Эсеровская программа — «во имя спасения родины и завоеваний революции» о восстановлении попранных большевиками свобод слова, совести, печати, собраний, союзов и т. п. — стала осуществляться интервентами путем превращения всей Северной области в сплошную тюрьму для лучших представителей трудящихся.

Архангельские меньшевики и интервенция

Процесс Союзного Бюро ЦК меньшевиков разоблачил их как партию, работавшую вместе с вредителями и иностранной буржуазией на подготовку интервенции против Советского Союза.

Годы гражданской войны, потоки крови, голод, эпидемии, разрушение народного хозяйства — не остановили меньшевиков перед новой кровавой авантюрой. Опыт 1917-20 гг. ничему не научил меньшевиков. Им нужно было в интересах буржуазии повторение пережитого рабочим классом в 1918-20 гг. Встав на путь предательства в первой революции 1905 г., они оказались последовательными до конца, перекинувшись на сторону контрреволюции.

¹ П. Рассказов. — Записки заключенного.

² И. Минц — статья в журн. «Пролетарская революция», № 1, 1927 г., стр. 248.

2. Потылицын. Белый террор на Севере

Архангельские меньшевики во время интервенции, не в пример эсерам, не были у власти, но под видом партии рабочего класса всячески прислуживали ей, отчего их роль в интервенции становится более омерзительной.

За короткое время — конец 1918 — начало 1919 гг., — не успев сделать чего-либо существенного, архангельские меньшевики оставили после себя грязные следы. Пусть говорят документы.

Официальный орган архангельских меньшевиков «Северный Луч»¹ призывает рабочих к поддержке правительства Чайковского. Советская власть третируется как власть, «опирающаяся на красноармейские штыки», действующая в союзе с Вильгельмом и т. д. «Мы знаем, — говорится в передовой «Северного Луча» о белогвардейском правительстве Чайковского, — что новая власть в своей декларации указала ясно, что она стоит за народовластие, и как за одну из форм этого народовластия — за учредительное собрание, которое установит тот строй, которым будет управляться Россия, стоит за демократические органы местного самоуправления. Мы должны прямо и определенно сказать, можем ли мы поддержать ее в проведении ею в жизнь этих задач или нет. В настоящее время перед нами три пути».

Далее подробно отмечается это «многопутье». Первый путь — советская власть — для меньшевиков самый худший из всех путей, совершенно не приемлем. Не подходящим считается и «третий путь — путь реакции (читай — путь к монархии. — А. П.), которая подняла свою голову...». Разумеется, лучше всего золотая середина — «путь второй — путь, по которому идет и по которому зовет итти нас временное правительство. Путь восстановления гражданских свобод и народовластия. Путь не прыжка в царство социализма, а планомерного строительства (вот откуда у современных оппортунистов «непосильность темпов» — А. П.) разрушенной общественной жизни, путь восстановления тех свобод, которые были попорчены грубой силой. Вот два пути (советская власть и правительство Чайковского. — А. П.), исключаящие один другой, по которым мы можем пойти»...¹

В том же номере от 8 августа в статье «Задачи рабочего класса в настоящий момент» не менее опреде-

¹ № 26 от 8 августа 1928 г.

² Подчеркнуто нами — А. П.

ленно, от имени РСДРП перед рабочим классом ставится задача поддержки белогвардейцев: «В интересах рабочих воссоздать Россию как целый государственный организм; во имя этого рабочий класс должен поддержать тех, кто стремится к этой задаче». ¹

За восстановление единой неделимой России ратовали эсеры, буржуазия, монархисты, и меньшевики, выступая в роли их пособников и союзников, не могли не выставить такого же лозунга, так как превратились в контрреволюционную силу. В угоду буржуазии и ее классовым интересам они старались развращать рабочий класс, отвлечь его от классовой борьбы. Вот как ставятся перед рабочими задачи классовой борьбы: «Ушедшая власть (советская.—А. П.) сделала все возможное, чтобы довести классовую ненависть с обеих сторон (буржуазия и рабочий класс.—А. П.) до апогея, расшатав в то же время силу рабочего класса неудачными опытами. Рабочему классу нужны вся трезвость и все самообладание в настоящий момент (а в этот момент буржуазия собирала свои силы, разбитые советской властью.—А. П.); с одной стороны, распропагандированный большевистскими газетами насчет близости и неминуемости прихода социализма, рабочий класс не изжил еще своих, быть может, и приятных, но все же несбыточных в настоящий момент иллюзий. С другой стороны—внезапное, хотя и неизбежное крушение большевизма может дать длительную апатию рабочих, и в результате будет полная невозможность организовать рабочий класс хотя бы даже (!) для защиты своих ближайших интересов». ¹

Убедив читателей в ненужности и невозможности классовой борьбы, в несбыточности целей рабочего класса, меньшевики призывают рабочий класс к сотрудничеству с буржуазией:

«Нельзя забывать, что без поддержки других слоев населения рабочий класс не может бороться против возможной реакции. Поддержка же эта будет со стороны только тогда, когда рабочие массы будут добиваться тех общегражданских

¹ «Сев. Луч» № 27 от 11 авг. 1918 г., передовая статья.

свобод, в существовании которых заинтересованы все демократические слои населения».

Таким образом, меньшевики заключают с буржуазией классовый мир, а вот по отношению к Советской власти, к большевикам,— проповедают гражданскую войну.

Осторожные политические мошенники на этот раз без всяких обычных для них оговорок призывают итти добровольно в белую армию:

«... — Верховное управление Северной области уже приступило к восстановлению местных демократических учреждений (городские управы, земства и т. п.). Оно поставило своей целью воссоздание и возрождение демократической России. Это и есть необходимая и приемлемая для всей демократии программа и та программа, без осуществления коей пролетариат не сможет ни развертываться, ни успешно бороться. И, следовательно, пролетариат должен всемерно поддерживать Верховное управление Северной области. Поддержка же эта не должна вылиться лишь в резолюции, а должна быть действительной. Пролетариат должен итти в добровольческую народную армию, ибо армия — та сила, на которую опирается всякое правительство».

Не ограничиваясь призывом итти добровольно в белую армию, меньшевики из этого создают своеобразную рекламу. «Северный Луч» в № 36 от 4 сентября 1918 года аншлагом, через всю первую страницу пестрит такими объявлениями-воззваниями:

Гражданел

Для создания русской народной армии нужны немедленно средства! Все свободные наличные денежные знаки вносите на 5% краткосрочный «Заем доверия»!

Для спасения родины от большевистско-германского засилья нужна помощь всех граждан!»

«Воззвание

к чехам и словакам,

проживающим в пределах Северной России

Чехи и словаки, проживающие в пределах Северной России и желающие поступить в ряды чехо-словацкой армии, обращайтесь немедленно за информацией в город Архангельск, Ольгинская гимназия, от 5 до 7 часов вечера, к организатору чехо-словацкой армии Густаву Брожу...

¹ «Северный Луч», № 35, 1 сентября 1918. Цитир. по брошюре «Соц.-интерв. перед судом пролетарской диктатуры». Огиз, 1931., стр. 54—55.

Результатом предательской работы меньшевиков была окончательная потеря ими какого-либо влияния на рабочую массу. Меньшевики остались одни. На их призывы к «объединению всей демократии» никто не откликнулся.

II. ГУБЕРНСКАЯ ТЮРЬМА

Одновременно с объявленными «свободами» Верховное управление издало приказ об аресте всех большевиков и членов исполкомов от губернского до волостного (сельского) советов: «Члены губернских и уездных исполнительных комитетов советов рабочих и крестьянских депутатов и их комиссары арестуются, а также арестуются и те члены волостных комитетов, арест которых будет признан необходимым местной властью». Контрразведкам союзной и белогвардейской, многочисленным следственным комиссиям и местным властям — земским управам с засевающим в них кулачем — этот приказ предоставлял неограниченную возможность сажать за решетку не только активных советских деятелей, но и всех «подозрительных» и сводить личные счёты.

Контрразведки, следственные военные и гражданские комиссии, союзные и белогвардейские, получили широкую практику. Она сказалась переполнением архангельской тюрьмы, уездных тюрем и арестных помещений.

Первыми обитателями губернской тюрьмы были арестованные в Архангельске члены заводских комитетов, служащие советских учреждений и матросы с затопленных ледоколов «Святогор» и «Микула Селянинович» и т. п. Арестованные прибывали и прибывали, а набитая до отказа тюрьма не могла вместить всех арестованных, и «демократическое правительство» оборудовало в подвалах таможни «отделение» тюрьмы. Арестованными были наполнены отделения милиции, концентрационные лагеря на Быке и Бакарице, больничные отделения в Кегострове и больничном городке. Остроту «кризиса» тюремных помещений показывает, например, такой факт, что под (пловучую) тюрьму был приспособлен старый броненосец «Чесма». В самые мрачные времена царской реакции, когда Архангельск и губерния были местом ссылки, Архангельск не видел такого числа заключенных.

Только через одну губернскую тюрьму, согласно сохранившимся «книгам приема арестованных по Архангельской губ. тюрьме», за время с августа 1918 г. по ноябрь

1919 г. прошло 9760 человек. Ежедневно содержалось в тюрьме в среднем 600 человек. Исходя из этих данных, за остальные три с половиной месяца прошло еще 2278 ч. Таким образом, всего в Архангельской тюрьме за 19 месяцев перебивало более 12 000 заключенных, а приблизительный подсчет числа заключенных, перебивавших в тюрьмах всей области, дает 50 800 человек, не считая содержащихся по мелким арестным помещениям в уездах и прифронтной полосе.

На все ответственные тюремные должности «демократическое правительство» поставило тюремщиков царского времени. Начальником губ. тюрьмы с 4 августа 1918 г. назначен В. П. Гумберт, с сохранением за ним содержания за все время «безработицы» при советской власти. Впоследствии Гумберт возвысился до заведующего тюремным отделом. После Гумберта нач. тюрьмы был Брагин, его помощником — Лебединец, оба — старые тюремщики. Старший надзиратель Мамаев («Мамай») в старое время был палачом одной из тюрем на юге.

Несмотря на открытие «отделения» тюрьмы, помещений для прибывавших с каждым днем все в большем количестве арестованных не хватало. В камеру, рассчитанную на 20, сажали по 60 человек и больше. Вновь поступившие размещались на голом полу. Параша, опоражниваемая раз в сутки, быстро переполнялась, и ее содержимое ручьями стекало под спящих. Чтобы не задохнуться от недостатка воздуха и испарений параши, заключенные разбивали оконные стекла. Холодный зимний ветер с наметаемым им снегом несколько освежал камеру, но в летнее время удушье становилось невыносимым.

Не лучше обстояло в женских камерах. Тов. Тубанова, прошедшая через губернскую тюрьму, вспоминает: «Все женщины спали на голом полу. Никаких постелей или матрацев нам не дали... Через неделю для женщин освободили мужскую пересыльную камеру, и всех нас из отдельных камер перевели в нее. Здесь было еще хуже: холод, со стен текло, спали мы все вповалку на сыром полу».

Для заключенных наиболее тяжелым (с физической стороны) испытанием являлся настоящий голод. Выдаваемых 200 граммов мякинистого, непропеченного хлеба с жидкой бурдой естественно хватать не могло. Ходившие на работы в городе бросались к свалкам, помойным ямам

отыскивать какие-нибудь отбросы съестного... Как следствие антисанитарных условий и голода, появилась цынга, за нею эпидемия тифа, дизентерии, а нужных лекарств

4. Английский генерал Айронсайд

5а. «Социалист» Н. В. Чайковский

5б. Генерал Миллер

в тюремную аптеку не выдавалось. Перевод из тюрьмы в тюремный же лазарет — барак больницы, городка облегчения не приносил. «Жизнь в бараке, — вспоминает

т. Тубанова, добровольно работавшая сиделкой в сыпнотифозном бараке для арестованных, — являлась кошмарной: больных, в большинстве еле двигавшихся, привозили каждый день целыми грудами — грязных, оборванных, с бесконечным количеством вшей, и сваливали в коридоре. Покойница вся была завалена трупами, распространявшими ужасный трупный запах».

Отношение медицинского персонала к больным арестованным ярко характеризуется таким фактом: в сыпнотифозном бараке № 1 больному Зайченко нужно было сделать впрыскивание камфары. Старшая сестра Фролова отказалась. Зайченко умер. Фролова напутствовала: «собаке собачья смерть».

За первые три месяца своего пребывания у власти белогвардейцы не производили открытых расстрелов. В последующие же месяцы установился полный произвол. Население тюрьмы жило в постоянном напряжении. Каждую ночь в стенах тюрьмы заседал военно-полевой суд. Тюрьма не спала. Все ожидали — в какой камере звякнут ключи, кого и сколько поведут судить. Многие задавались вопросом: не моя ли сегодня очередь? Успокоение — до следующей ночи — наступало только, когда грузовой автомобиль увозил приговоренных за город на мхи к месту расстрела.

Первый открытый расстрел произошел в воскресенье 3 ноября 1918 г., в 3 часа дня в необычной даже для тюрьмы обстановке. Расстреливали по приговору военно-полевого суда тов. Ларионова с пятью товарищами из его красноармейского отряда, действовавшего на Печоре.

Администрация тюрьмы приказала арестованным, как только будет дан свисток, всем выстроиться в камерах, не подходить, под угрозой стрельбы, к окнам и не расходиться до второго свистка.

Для расстрела явился сводный отряд англичан, французов, американцев и итальянцев. Последние, узнав, чего от них требуют, от участия в расстреле отказались.

Вставшему на место расстрела у тюремной стены Ларионову с товарищами предложили закрыть глаза повязкой. Ларионов ответил офицеру: «Если тебе стыдно, то закрой ею свои глаза». После двух залпов пять красноармейцев упали, тяжело раненый Ларионов продолжал стоять. Офицер выстрелом из револьвера в упор покончил с ним.

Пользуясь неопубликованными и малоизвестными материалами и документами официального характера, остановимся вкратце на «законных» расстрелах заключенных из губернской тюрьмы, посмотрим, в какой обстановке они проходили, как издевались над приговоренными в последние минуты их жизни те, кто много распинаясь и распинаясь о человеческом отношении к людям.

Перед нами материал судебного следствия по делу белых тюремщиков Кузьмина и Евтунас-Бронского, подвизавшихся в Архангельской губернской тюрьме. Показания обвиняемых и десятков свидетелей раскрывают картины непередаваемых кошмаров.

Любимой поговоркой палачей при расстреле, когда кто-либо просил добить корчившихся в конвульсиях, было: «собаке — собачья смерть», и раненых зарывали живыми.

... «Когда расстреливали прапорщика, один из этой партии в 12 человек в могиле сидел, хрипел, так сидячим и был зарыт».¹

«В апреле 1919 г., устанавливая у могилы к расстрелу пять приговоренных, он (Кузьмин) сбросил в могилу больного красноармейца. Когда остальные были расстреляны и добиты, то их сбросили в могилу на живого красноармейца и так вместе с ними живым зарыли по приказанию Кузьмина».²

«После расстрела минут через 20 нас подвели закапывать, что мы и проделали под наблюдением надзирателей. Из могилы были слышны вздохи, но мы были в невменяемом состоянии».³

«Затем последовал расстрел, и надзиратели нас потащили закапывать могилу. Закапывая, мы слышали голос: «Товарищи! Я знаю, кто нас закапывает... ведь я еще живой».⁴

Кузьмин, будучи в тюрьме писарем, сам выпрашивался на расстрелы. На допросе он показал:

«В конце мая, кажется, расстреливалась женщина Пластинина. Кроме того, расстреливались еще человек 8 или 10 мужчин, все взрослые. Во время расстрела эта женщина просила передать пальто бедным арестованным, кричала громко. Тут произошла заминка. Офицер ее пнул...

¹ Архив Истпарта. Дело о Кузьмине и Евтунас-Бронском, л. 8.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 59.

⁴ Там же, л. 37.

Иной раз, засыпая могилу, приходилось слышать стоны. Были случаи, когда вследствие этого приходилось возвращать уже уходивший конвой для того, чтобы добить расстрелянных. Их раскапывали, и затем конвой стрелял по слуху прямо в могилу и затем закапывали, когда стоны прекращались. Конвой в большинстве был всегда пьяным, в особенности писарская команда из 3-го Северного полка.¹ До расстрела над приговоренными считали необходимым поиздеваться, избить, для чего пускались в ход рукоятки револьверов. Расстреливаемые встречали смерть с большим мужеством:

«...Около того же времени расстреливали одну женщину, и, когда ей стали прикалывать на грудь клочок бумаги для прицела, она, взяв себя за грудь, разорвав рубашку, крикнула: «Вот моя грудь, стреляйте, негодяи!» И в то же время расстреливали старика, последний тоже кричал».

Один матрос (фамилия не установлена), находясь в камере смертников, стал петь Интернационал, за что его тут же и расстреляли и к месту казни доставили уже трупом.

Большевик-подпольщик Рязанов, подходя к могиле, обернулся, крикнув: «Да здравствует Советская федеративная республика!»²

За год — с августа 1918 г. по август 1919 г. — «демократическое правительство» насадило за решетку столько действительной демократии, — не считая еще 2000 пленных красноармейцев, которых содержали наравне с арестованными, — что из опасения, как бы эти арестованные и пленные красноармейцы не установили советскую власть, решили очистить город от «опасных и неблагонадежных элементов». «Очистка» города путем расстрелов и отправки на муромскую каторгу положения не улучшали. Требовались другие меры.

Созванное Марушевским 13 августа 1919 г. специальное совещание выработало проект разгрузки Архангельска. Об этом проекте Марушевский подает Миллеру следующий рапорт:

¹ Архив Истпарта. Дело о Кузьмине и Евтунас-Бронском, лл. 30-31.

² Там же, лл. 8, 12, 53.

ГЕНЕРАЛ

Секретно

для поручений при
 Главнокомандующем
 всеми русскими
 вооруженными силами
 на Северном фронте
 Генерал-лейтенант
 Марушевский
 13 августа 1919 г.
 № 5253

Главнокомандующему всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте.

Р а п о р т

Представляю результат совещания по вопросу об очищении Архангельска и его окрестностей от опасных и неблагонадежных элементов. В совещании под моим председательством участвовали: заведующий Отделом внутренних дел и начальник губернии г. Багриновский, начальник гарнизона генерал-лейтенант Бржозовский, подполковник Драшусов, военный прокурор Соловьев, заведующий тюремным отделом г. Гумберт и представитель Союзного разведывательного отдела эсаул Самсонов.

1. Категории неблагонадежных лиц

I категория

Заключенные в тюрьмах в г. Архангельске.	Губ. тюрьма	619	В этом числе к 12 августа	} Следств. ок. 550 Срочн. » 60 За Б.-Р. Сл. 140 За А. Р. М. 60
	Врем. »	211		
	Кегостров	46 ¹		
	Итого	876		

II категория

В ближайших окрестностях г. Архангельска, бывшие солдаты батальона Берка ² (SBL) и военнопленные.	На Бакарице солдат (SBL) ³ ок.	270
	» Смольном Буяне	220
	Военнопленные на Кегострове	2000
	Итого	2490

III категория

В более отдаленных окрестностях г. Архангельска, солдаты и каторжане.	На Экономии дисциплин. рота (SBL) ок.	180
	На Мудьюге каторжане ок.	60
	Итого »	240

IV категория

Солдаты SBL, бывшие дайеровцы и берковцы в войсковом районе.	В Устьпинеге, Березнике и Троице ок.	800
	Всего	4000

2. Как поступить с этими лицами

Общие основания 1) Всех лиц, заведомо опасных или неблагонадежных, вывезти на острова Белого моря, где высланные могли бы оставаться под малочисленной охраной и не погибнуть, будучи предоставленными сами себе, при условии снабжения их запасом продовольствия, рабочим инструментом и необходимым материалом, за исключением леса. (Из чего же тогда строить?—А. П.)

Островами, пригодными для выселения на них, являются остров Анзерск и остров Кондо.

¹ Больные и выздоравливающие.

² В документе ошибка; не Берк и берковцы, а—Берс и берсовцы—А. П.

³ Инициалы английского наименования—Славяно-британского легиона—А. П.

*Общие
основания*

2. Прочих лиц, пригодных для службы в войсках, разделить на две группы: а) южан, кои могли бы отправиться на юг России для зачисления в армию генерала Деникина, и б) северян, кои могли бы остаться в войсках Северной области.

I категория — 876 арестантов:

*Меры, ко-
торые
следует
принять
по от-
ношению
к каждой
из групп*

а) всех арестантов, подлежащих эвакуации на острова Белого моря, немедленно перевести из тюрем на о. Мудьюг;
б) немедленно произвести отсортировку арестованных, подлежащих высылке, по прилагаемой схеме (приложение I).

II категория — 2496 чел.;

A. Солдаты СБЛ (бывших дайеровцев и берковцев около 500 чел.):

а) разделить их на надежных и годных для службы в войсках и на ненадежных;

б) ненадежных выслать на острова Белого моря, а временно всех отправить на о. Мудьюг;

в) надежных отправить в войска на общем основании.

Б. Военнопленные (ок. 2000 чел.) — подлежат той же участи, как и солдаты СБЛ.¹

Примечание. Эсаулом Самсоновым было доложено, что союзным командованием по отношению к лицам II категории принято следующее решение: а) отделить в их среде всех южан от северян; б) южан отправить в армию Деникина; в) всех северян распределить на группы по месту жительства и, оставив ближайших в Архангельске, отвезти мезенцев в Мезень, печорцев — в Печору и выпустить на свободу; г) сортировка солдат СБЛ и военнопленных будет произведена Союзным разведывательным отделом.²

III категория — дисциплинарная рота ок. 180 чел.:

а) отобрать наиболее преступных, коих теперь же передать на остров Мудьюг;

б) прочих использовать для работ по погрузкам на экономии;

в) затем всех выселить на остров Анзерский.

IV категория — ок. 800 чел. СБЛ близ линии фронта: временно оставить их там, где они сейчас находятся.

3. Распоряжения и действия, которые следует немедленно выполнить

*Копии
резолуций
главноком.
«Испол-
нить»*

1. Начальнику губернии сделать распоряжения о том, чтобы имеющиеся на Кондострове и Анзерском острове помещения, пригодные для первоначального водворения в них высылаемых арестованных, теперь же были бы очищены.

¹ Славяно-Британского Легиона — А. П.

² Подчеркнуто нами — А. П.

2. Заведующему тюремным отделом теперь же озаботиться оборудованием лагеря на о. Мудьюге, помещением для караула и должным вооружением его.

Примечание. Охрану острова Мудьюга могут составлять:

- а) ныне существующая команда охраны . . . . . 25 чел.
- б) охрана Кегостровской тюрьмы, которую теперь же закрыть . . . . . 25 чел.
- в) охрана врем. тюрьмы, которая также будет закрыта . . . . . 25 чел.

Всего . . . . . 75 чел

3. Предупредить командующего флотилией Северного Ледовитого океана о предстоящей перевозке на Кондостров и на о. Анзерск около 2000 арестованных.

4. Предупредить его же о необходимости подготовить судно и экипаж, которые временно могли бы нести службу охраны острова Анзерска.

5. Предложить ему же оказать содействие Заведующему Тюремным Отделом, предоставив ему, буде понадобится, необходимые пловучие средства для перевозки около 800 арестованных из тюрем на о. Мудьюг.

6. Просить Союзный Разведывательный Отдел теперь же приступить к сортировке военнопленных, если понадобится — прикомандировав ему для этой цели необходимое число русских офицеров.¹

7. Желательно теперь же назначить совещание для сортировки арестантов (тюремных) под председательством полковника Добровольского в составе Прокурора Арханг. Округного Суда, председателя Особой временной следственной комиссии, военного прокурора, Начальника Военно-Регистрационной Службы и Заведующего Тюремным отделом.

Сортировку казалось бы целесообразным произвести по прилагаемой схеме.

8. В виду опасности, которую представит для мезенского и печорского фронта высадка в тылу их всех мезенцев и печорцев из числа солдат СБЛ и военнопленных без предварительного отделения в их среде порочных элементов, — просить главнокомандующего Английским Экспедиционным Корпусом о том, чтобы сортировка военнопленных и солдат СБЛ и дальнейшая их участь были бы решены согласно принятой комиссией схеме.

Подлинный подписали:

Генерального Штаба Генерал-лейтенант *Марушевский*

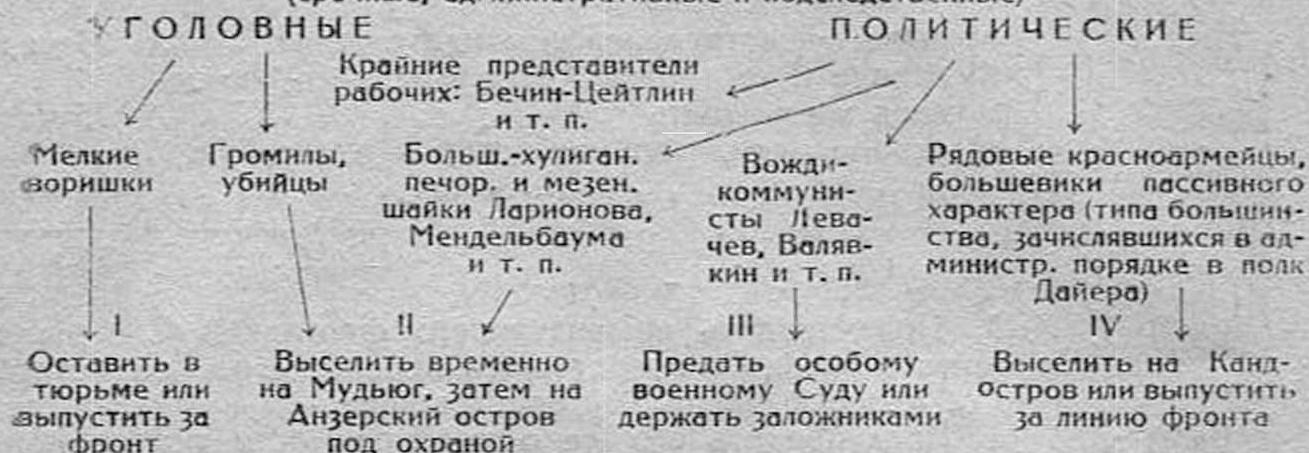
и подполковник *Драшусов*

Верно: подполковник *Драшусов*

¹ Подчеркнуто нами. — А. П.

С Х Е М А РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АРЕСТАНТОВ ПО КАТЕГОРИЯМ АРЕСТАНТЫ

(срочные, административные и подследственные)

Примечание. Было бы желательно, при временном водворении на о. Мудьюг лиц, предназначенных к высылке на дальние острова, — держать вторую группу отдельно от четвертой.

Подполковник Драшусов

Вскоре после этого постановления совершился грандиозный побег каторжан с острова Мудьюга. Вероятно это обстоятельство помешало организовать тюрьмы на островах Анзерском (вблизи Соловецких островов) и Конд-острове (Онежская губа), или же там были лучшие климатические условия, только новая ссыльно-каторжная тюрьма открылась 23 сентября 1919 года на побережье Ледовитого океана, за полярным кругом, в становище Иоканьге.

В приведенном рапорте, целиком утвержденном Миллером, генеральская шайка, ссылая на острова Белого моря арестованных и не пожелавших вступить в белую армию пленных красноармейцев, проявляет «заботу» о том, чтобы «заключенные могли оставаться под малочисленной охраной и не погибнуть». Действительность показала обратное — и именно то, чего эти господа хотели: уничтожить своих врагов медленной и мучительной голодной смертью, если не возьмут своего цынга, тиф и др. эпидемии.

III. БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Архангельская партийная организация как самостоятельная большевистская организация в легальных условиях 1917-18 гг. существовала только с июня 1917 г. (момент раскола) по день интервенции. До июня 1917 г. большевики работали вместе с меньшевиками, составляя объединенную организацию РСДРП. Большевистская часть

Дорогие товарищи!

Мировая гидра контрреволюции в лице английского империализма наносит архангельской организации тяжелый удар. Комитет партии вынужден идти в подполье, дабы не быть разбитым мировыми разбойниками.

Комитет партии призывает всех членов быть стойкими на своих постах и продолжать свое дело.

Товарищи! Революция в опасности! Наш долг — всеми силами и средствами спасти ее.

Да здравствует Революция!

Комитет партии

Архангельский комитет партии, объявив об уходе в подполье, не успел провести полностью предварительную организационную работу, и подполье склотилось не сразу.

С занятием Архангельска интервентами не успевшие эвакуироваться и оставшиеся в Архангельске коммунисты и советские работники большей частью оказались в тюрьме. На свободе ходили отдельные, не связанные между собой одиночки, перешедшие на нелегальное положение.

Организующим центром большевистского подполья стала мастерская союза архитектурно-строительных рабочих. К концу 1918 года организация оформилась созданием партийного комитета в составе тт. Тесанова, Боева, Закемовского, Матисон и Рязанова.

В январе 1919 года, когда уже были приготовлены конспиративные квартиры, явки, началась работа в первую очередь по устройству типографии, но до пуска ее в ход пользовались кустарным тектографом. Ручную типографию оборудовали с помощью тов. Сапрыгина, знакомого с такого рода типографиями по подполью при царизме. Им же писались и прокламации. Прокламации печатали Закемовский, Юрченков (Васильев), Боев. Распространялись они в городе, Соломбале, Маймаксе, на Исакогорке среди рабочих и солдат.

Вот одна из сохранившихся прокламаций:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь»

КО ВСЕМ МОБИЛИЗУЕМЫМ

Товарищи!

Идет гражданская война, льется кровь. С одной стороны в этой борьбе — наши братья, рабочие и крестьяне Советской России, героически отстаивающие свою и вашу свободу и независимость, с другой — собравшиеся со всех углов России капиталисты, остатки царского чиновничества и офицерства, опирающиеся на штыки международного капитала, уничтожившие все завоевания революции, объявившие борьбу рабочим и крестьянам.

Первые — наши братья, наши освободители. Вторые — наши враги наши злейшие эксплуататоры, стремящиеся снова заковать нас в цепи рабства, снова жиреть от нашего каторжного труда, от наших слез и пота.

Но колеблется почва под ногами наших врагов; чувствуют они, что настает час торжества наших братьев, наносящих им удар за ударом, час, который будет часом расплаты за весь гнет, за все преступления, часом их гибели.

Союзные войска — основа их силы — уже колеблются, или начинают понимать всю подлость и обман их правительств, заставляющих их воевать на стороне угнетателей против угнетенных — своих же братьев крестьян и рабочих.

Еще меньше уверенности в местных русских войсках. Но, защищая свои капиталы и власть, наши угнетатели — с союзниками во главе — неслыханными жестокостями, дисциплиной кнута и нагайки, расстрелами, как рабов, гонят нас в бой против наших же братьев — рабочих и крестьян Советской России.

И вот снова мобилизация. Сотни нас — призванных будут оторваны от мирного труда, от своих семей, заперты в казармы, а потом брошены в братоубийственную борьбу, в которой мы будем гибнуть во славу международного капитала и наших монархистов, наших тиранов.

Нет, товарищи, довольно обмана! Мы уже поняли коварные, жестокие замыслы наших врагов, им не удастся направить нас на советских рабочих и крестьян!

Но силы наши не следует растрачивать преждевременно, не нужно пока выступать открыто, на что, наверное, рассчитывает мобилизующая нас подлая шайка. Не будем поддаваться их провокации!

Мы явимся на призыв, возьмем винтовки в руки, но не для того, чтобы воевать с нашими братьями из Советской России, а только для того, чтобы в нужный момент помочь им в борьбе с общим врагом.

Долой братоубийственную бойню!

Долой международную шайку капиталистов!

Долой правительство предателей!

Да здравствуют самоотверженные борцы за полное раскрепощение от власти международного капитала — рабочие и крестьяне Советской России!

Мы ждем вас, мы с вами!

Арханг. исп. ком. Российской коммунистической партии большевиков.

Прокламации достигали своего назначения, попадая к рабочим и солдатам белой армии.

Организация имела связи с воинскими частями. Очень важной была также связь с двумя моряками-радиотелеграфистами с тральщика. Один из них, тов. Иванов, входивший в состав партийного комитета, держал связь по радио с Советской Россией, пользуясь шифром, привезенным Боевым, который переходил фронт с заданиями организационно-оперативного характера.

Работа организации сказалась на окончательном полевении рабочих и положила начало разложению белогвардейского тыла и фронта, проникнув в армию.

Согласно белогвардейским документальным данным (приказ о расстреле), в марте 1919 года военными контрразведками была раскрыта военная коммунистическая организация в составе солдат: военно-контр. команды — Пухова и Шереметьева, 1-го Северного полка Глазкова, 1-го автомоб. дивизиона — Сывороткина, П. Каминского, 2-й батареи 2-го отд. артиллерийского дивизиона — Поздеева, Аншукова, Печонина и Богданова.¹

Большевистские прокламации, агитация и брожение в воинских частях, раскрытая военная партийная организация наглядно доказывали белогвардейцам пребывание большевистской организации не за фронтом, а в самом Архангельске. На слежку поднялись английская, французская, белогвардейская военная и гражданская контрразведки со всеми «отделениями» — квартальными комитетами. Подпольщиков выследили. Дальнейшая работа являлась самопожертвованием, но это их не останавливало. Один за другим они попадают в контрразведку, оттуда — на место расстрелов, за город, на «мхи». Первым в январе 1919 года погиб тов. Вельможный, преданный провокатором Никитиным. Затем провалился старый работник большевистского подполья — председатель союза транспортных рабочих тов. Теснанов. Арестованы в разное время Клавдия Близна, Рязанов, Прокушев, Антынь, Матисон и др. При аресте, отстреливаясь от нападавших, покончил с собой душа организации — Макар Боев.²

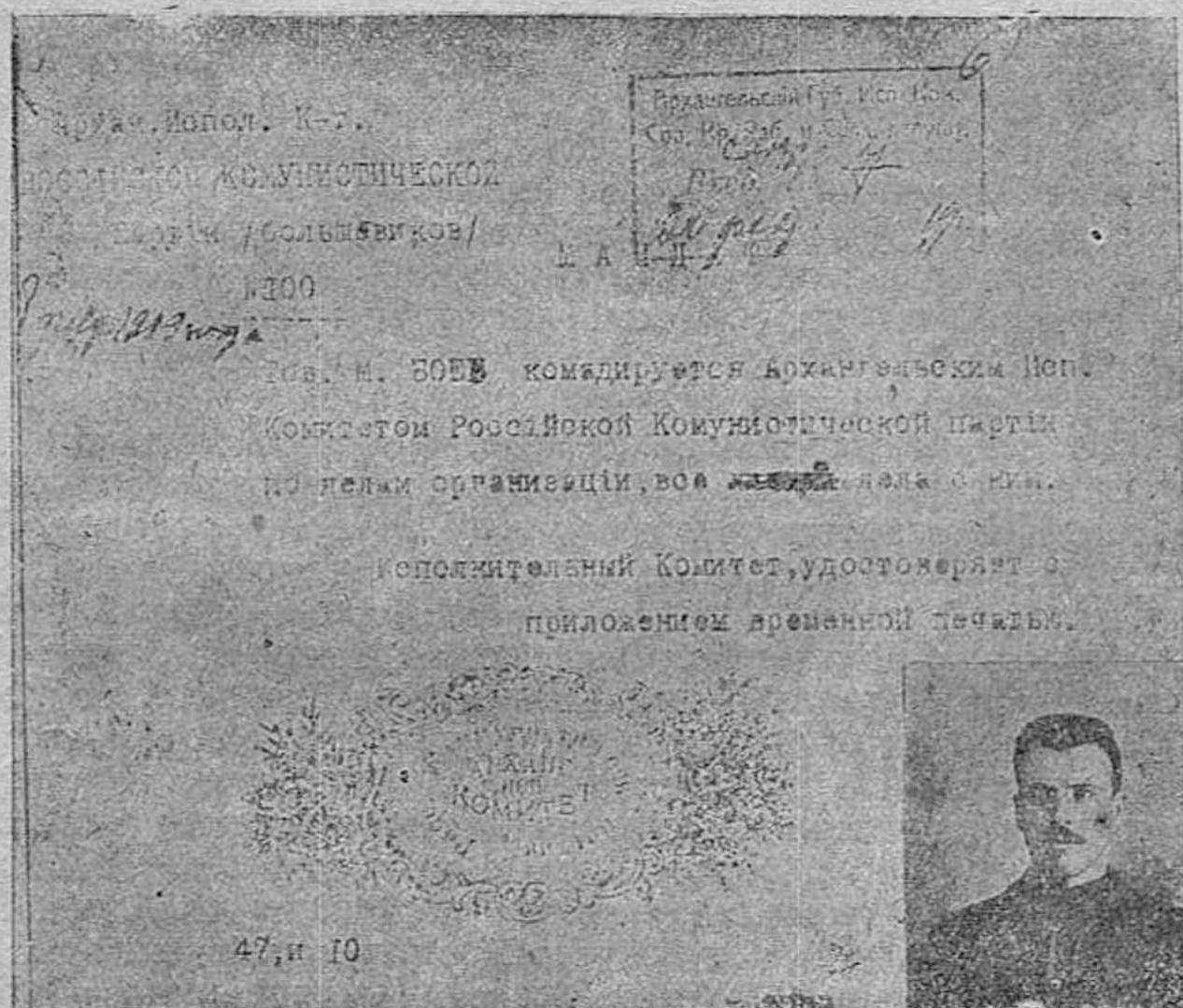
Ночью 30 апреля 1919 года архангельские подпольщики в числе 11 человек, присужденных военно-полевым судом к расстрелу, встретили первое мая у братской могилы, на мхах за городом. Среди них были: Теснанов, Прокушев, Антынь, Розенберг, Закемовский, Клавдия Близна, радиотелеграфист Иванов. Их последними словами, прерванными залпом, были: «Товарищи, передайте всем

¹ О военной организации данные приводим по книге: И. Минц — «Английская интервенция и северная контрреволюция». Гос. Соц.-экон. изд-во. 1931, стр. 196—197. Северному Истпарту об этой группе товарищей, кроме факта расстрела, ничего неизвестно, других материалов и воспоминаний, отражающих работу организации, нет. Вполне возможную связь ее с комитетом партии установить трудно, так как через месяц после расстрела военной организации погиб весь состав комитета партии и большая часть организации.

² Существуют две версии о гибели Боева: по одной — Боев был убит в перестрелке, по другой — расстреляв патроны, покончил с собой.

сидящим в тюрьме товарищам наш последний привет...
Да здравствует Советская Россия!»

Организация была обезглавлена, разгромлена. Выражаясь словами обращения Архангельского комитета партии, она была «распята мировыми разбойниками».

6-7. Удостоверение Боеву от архангельских подпольщиков, с которым Боев переходил фронт (в углу—фотография т. Боева)

Организацию распяли, но дело ее продолжалось массами, с призывом к которым она обращалась и звала на борьбу,—рабочими и солдатскими массами Севера, оказавшими помощь Красной армии в феврале 1920 года.

IV. ТЕРРОР В УЕЗДАХ

О незавидной роли архангельских эсеров при массовых арестах советских работников и сочувствовавших советской власти мы говорили выше. Деятельность эсеров

в уездах была точным отражением «деятельности» правительства Северной области. Для характеристики этой работы сошлемся на два документа «Онежского уездного народного совета».

На другой же день по приходе англичан в Онегу там создавалась уездная следственная комиссия из эсеров и кадетов в составе — бывшего исправника Донейко, начальника уездной полиции Хайна, Душина, кулаков Можайцева, Ильина, Михайлова. Комиссия сразу взялась за восстановление собственности заводчиков, купечества и прочей буржуазии, направляя виновных в контрразведку. К тому же времени относится организация «уездного народного совета» из представителей интеллигенции и кулачества, по партийности — эсеров и кадетов, в составе — Ст. Мелехова, Лапина, Пахомова, Душина, Моторина, Уткина, Матвеева.

Несколько сохранившихся документов подтверждают предательскую деятельность Онежского «народного совета». Согласно одному документу, в ночь с 21 на 22 сентября 1918 г. в Онеге было арестовано 17 человек, из них 6 служащих, 7 рабочих, 4 человека без указания социального положения. О служащих «народный совет» отваживался давать самые «лучшие» характеристики: «Служащий, не большевик, придерживается союзнической ориентации», а о рабочих коротко: «В политику и военные дела не вмешивается», или «О деятельности его Совету неизвестно», словом, народный совет тут умывает руки. Против фамилий четырех по списку дано общее заключение: «Подлежат безусловному задержанию».

Даже относительно своих коллег — чиновников и товарищей по партии — у членов совета не хватало смелости требовать освобождения из-под ареста. Народный совет, обивая пороги офицеров английской службы, только просит содействия, выдавая свою связь с союзниками и их контрразведкой:

ОНЕЖСКИЙ

уездный народный

Совет

14 сентября 1918 г.

№ 468

г. Онега

Полковнику Английской службы Клярк

г. Онега

Онежский уездный Народный Совет просит Вашего содействия к освобождению нижепоименованных лиц, арестованных и увезенных в Кемь 25 августа с. г. по распоряжению бывшего командующего Бернард-де-Граве: Шушерина Ивана, Бачина Егора, Воронцева Ивана, Кренева Андрея, Балдырева Максима, Захарова

Александра, Чистовского Степана, Степанова Ивана, Зотикова Семена, Величкина Владимира, Недзвецкого Вячеслава и Копреева Михаила.

К означенным лицам (12 человек) военными властями в лице Бернарда-де-Граве не было предъявлено никакого обвинения и арестованы они были без ведома Народного Совета.¹

Таким образом в обысках, арестах рабочих Онеги народный совет участвовал как агент союзнической контрразведки.

Классовый буржуазно-кулацкий, с добавлением чиновников царского времени, состав подобных «народных» советов, земских управ, строго выдержанная классовая политика этих учреждений, направленная в интересах буржуазии и кулачества против рабочих и бедняцко-средняцкой части деревни,—наглядно доказали последним сущность белогвардейщины и истинные цели интервентов.

Буржуазия и кулачество поддерживали свою власть не одними призывами к борьбе с большевиками. Весь командный состав белой армии состоял из старого кадрового офицерства, при чем недостаток кадровых офицеров пополнялся буржуйскими и кулацкими сынками, наскоро обученными в специальных школах.

Сынки боролись за «родину», а их папаши собирали деньги для военных целей. Генерал Миллер 26 августа 1919 года приказом главнокомандующего приносит благодарность холмогорским толстосумам, пожертвовавшим 20 000 рублей. Генерал Миллер поблагодарил «торгово-промышленный класс» особым приказом:

«Городским головой Холмогорской городской управы предоставлены в мое распоряжение на военные надобности 20 000 рублей, собранные среди торгово-промышленного класса г. Холмогор.

Прошу городского голову Холмогорской городской управы господина Гребнева и торгово-промышленный класс г. Холмогор принять мою глубокую благодарность за оказываемую помощь нашей молодой армии».

В Архангельске для части арестованных (основная масса их являлась подследственной) белогвардейщина устраивала военно-полевые суды, которые придавали некоторую законность (хотя бы и на основе законов

¹ «Сведения об арестованных в ночь с 21 на 22 сентября 1918 г., данные Онежским уездным народным советом начальнику русско-союзной морской бригады». Архив Истпарта — «Дело списков пострадавших от белых по Онежскому уезду». Подчеркнуто нами.—А. П.

царского времени) расправам, а в уездах обходились проще: здесь вся власть находилась в руках военных частей по месту их расквартирования, в руках какого-нибудь офицера, например, по Мезенско-Важскому району—у капитана Орлова, в Пинеге—у Ахаткина.

Восстановив против себя бедняцко-средняцкую массу, эти господа в страхе за свое существование хватали направо и налево не только коммунистов, членов исполкомов, сочувствующих советам,—но переполняли тюрьмы и арестные помещения арестованными большей частью за то, что их в чем-то «подозревали», или на них кто-то донес, сводя личные счеты, стараясь угодить начальству.

В сведениях-анкетах о препровождении в губернскую тюрьму в графе «За что арестован» стоит краткий ответ: «За большевизм». В чем именно проявлялся большевизм арестованных—это, видимо, считалось не столь важным, были бы арестованные.

Сплошь и рядом одно неосторожно брошенное слово уже служило достаточным поводом к аресту, с препровождением в контрразведку. Например, командир I Северного полка Трояновский препровождает в Архангельскую тюрьму арестованного крестьянина Мезенского уезда Остапова. В материалах на Остапова приводится характерное обоснование причины ареста: «За разговоры большевистского характера».

Некто Кабалкин арестован «за речь в бане», крестьянин Корнилов—за то, что был избран в комитет бедноты.

В с. Шелексе в числе 13 крестьян был арестован Фуртиков Василий—крестьянин-бедняк, только что вернувшийся из германского плена, лишь за то, что после боя при занятии белыми Шелексы перевез через речку свою семью. Фуртиков попал на Иоканьгу, откуда, как и большая часть из 13 человек его односельчан, не вернулся.

Переход из деревни в деревню, пребывание на работе в поле, в лесу по хозяйству сплошь и рядом служили поводом к аресту, с отправкой на Мудьюг, Иоканьгу.

Большая часть арестованных, оставшихся в живых после тюрьмы и каторги, до сих пор не знает, за что они сидели, за что их соседи остались на «мхах», на Мудьюге, Иоканьге или где-нибудь в лесу.

Для примера приведем выдержку из одного документа по материалам Онежского уезда, собранным после разгрома белых.

Штамп Пияльского волисполкома. 18 мая 1920 г. «По-страдавшие от белогвардейцев:

1) Шеметов Илья Ст., 55 л. Расстрелян солдатами белой армии.

2) Углова Марфа Федоровна, 50 л. Расстреляна.

Оба — граждане дер. Кялованги Пияльской вол., женат и замужня, при каких обстоятельствах и как расстреляны, никто не видел».

Председатель. Секретарь. Подписи.

Н. Костылев, крестьянин Ровдинской вол. Шенкурского уезда, подвергся аресту и избиению за то, что его сыновья служили в Красной армии. Белогвардейский отряд из жителей с. Благовещенска под командой капитана Орлова причину ареста объяснил тем, что у Костылева якобы хранятся пулемет и гранаты. Перед обыском Костылева для устрашения избили ивовыми палками так, что у него из носа пошла кровь. Не найдя ни пулемета, ни гранат, забрали вещи сыновей, весь хлеб в зерне, а самого Костылева засадили в Ровдинское арестное помещение. Избиением при аресте дело не кончилось. Орлов приставал к Костылеву на допросе: «Говори, где у тебя спрятаны пулемет и гранаты. Не скажешь — приведем попа, заставим покаяться, потом повесим». Костылев ничего не знал и сказать не мог. Удар рукояткой револьвера по голове свалил его на пол... Через несколько дней — снова допрос, подкрепленный ударами офицерских кулаков по лицу. Избавился Костылев только тем, что сумел убежать в расположение частей Красной армии.

В Покшеньге Пинежского уезда в числе других стариков был арестован 77-летний старик Щеголихин Егор. Причин ареста старики не знали, но все они были отцами сыновей, ушедших в Красную армию. Четырех из арестованных ночью повели в Карпову Гору в контрразведку. Старые ноги отказывались идти, но один из конвоиров, оказавшийся земляком арестованных, подбадривал: «Кто не может идти, того будем колоть на месте». На лошади попутчика добрались до дер. Туфановой Горы, где их посадили в «холодную» — бывший кабак. Дальнейшие мытарства арестованных приведем по рассказу Щеголихина Егора: «В эту ночь набили в холодную 24 человека. Все замерзли, сидя без огня, без хлеба. Рядом (комендантская) были слышны песни, пляска, пьяные голоса. Затем в полночь

дверь у нас открылась, и пьяные песенники кричат нам: «Выходи!» Я подошел первым и сразу же получил удар кулаком в лицо, потом били железным прутом по ногам и по чему попало. Бить начали всех железными прутьями, досками, ногами, кулаками, плетками... У нас поднялся крик, стоны, все мы были в крови. На крики сбежалась чуть не вся деревня... Утром пришел комендант, спросил «живы?» — вывел на улицу и отправил в Пинегу. До Пинеги едва дотащились, некоторые в ней и умерли».

Из Пинеги арестованные после допросов были отправлены в Архангельск. Щеголихин после избиения ослел.

В Смотровской волости Шенкурского уезда в ноябре 1918 года был арестован крестьянин М. З. Долгобородов. Его арестовали, когда он шел в другую деревню на собрание в управе. Белогвардейцы ехали на лошади. Забрав к себе Долгобородова, они принялись его избивать плетью и прикладами. Доставили в управу. Оттуда, по распоряжению офицера, — в арестное помещение. Здесь снова избиение плетью. Вскоре под усиленным конвоем Долгобородова доставили в Шенкурск, в союзническую контрразведку. При сдаче в уездную тюрьму Долгобородова вместе с другими арестованными конвойные избили прикладами. От одного увесистого удара сломилось ложе винтовки, из магазинной коробки посыпались патроны. Дальше пошли допросы с угрозами пристрелить на месте. Поводом к аресту Долгобородова послужило обвинение в большевизме из-за обнаруженного у него устава социал-демократического кружка.

Насколько распоясались англо-американские захватчики и русские белогвардейцы, говорят сотни кошмарных фактов. Вот несколько их. Тов. Залывский (сидел в числе 23 чел. в Карповой Горе Пинежского у.) вспоминает: «Всю ночь в камере никто не спал. Многих водили на допросы и били. Одних водили один раз, других, в том числе и меня, по три раза, некоторых даже по четыре. И каждый раз били... Все мы ждали, что вот-вот поведут на расстрел. Приходили английские офицеры и солдаты, плевали на нас и бросали непотушенные окурки в лицо. Утром 15 чел. из нас связали веревками руки назад и повели в Штатову Гору».

Бить с остервенением для удовлетворения садистской природы — при аресте, при допросе, под горячую руку, — бить чем попало — кулаками, стэком, револьвером — стало

обыденным явлением. Если этого было мало, палачи инсценировали расстрел.

«В камеру (с. Березник) вошел Терентьев, предложил собраться. Я хотел надеть тулуп. «Ничего не потребуется», — сказал он, давая знать, что ведут на расстрел. На улице меня окружили 8 солдат и повели на реку. Остановились у выселка в три дома. Меня поставили. Появился Туркевич (контрразведчик) с офицерами. Тут же был и офицер-американец... Туркевич скомандовал взять на мушку... Я был под прицелом солдат и ожидал: «пли»... «Отставить», — закричал Туркевич и, подойдя ко мне, ткнул хлыстом, сказав: «Крепок, собака». ¹

Им ничего не стоило расстрелять совершенно безвинного человека, беззащитного старика: «Белые заняли дер. Пучугу. Ворвались англичане в один из домов к 70-летнему старику-крестьянину, который спал, а его старуха сидела и прядла лен. Белые, угрожая оружием, стали выпытывать о положении советской власти, о количестве войск, но старуха ничего не знала. Спросили, есть ли у них в доме большевик. Старушка, не задумываясь, указала на спящего старика — большака, как обычно называют хозяина в крестьянской семье. Этого для белых было достаточно. Старика стащили с постели, отвели на опушку и расстреляли». ²

Но лучше всего проявили себя белогвардейцы в обращении с коммунистами, членами исполкомов. В конце 1919 года в их руки в с. Верколе попали четыре члена Пинежского уездисполкома — гг. Мельников, Никулин, Федоров, Смоленский и пятый — работник из волости — Сохновский. Как показывали свидетели, как показал советскому суду (в 1926 году) сам белогвардеец Кобылин (в прошлом крупный лесопромышленник и торговец Пинеги), руководивший расправой с «комиссарами», эти пять товарищей, когда их якобы вели в штаб, после издевательств были утоплены живыми в заранее приготовленной проруби на реке Пинеге. Товарищей предварительно раздели донага, связали им руки и стали понуждать добровольно прыгать под лед; когда арестованные не подчинились, их стали избивать прикладами, штыками и на штыках погружать в прорубь. Труп одного из них — тов. Федорова — был найден в воде летом 1920 года со связанными назад руками и 13 глубокими штыковыми ранами.

¹ Бызов — Воспоминания (Архив Истпарта)

² В. Лухнев — «Волна» 1925, № 41.

Нет сведений, кем из белых и при каких обстоятельствах в ночь с 7 на 8 сентября 1919 года в двух верстах от деревни был расстрелян весь Тамицкий волисполком Онежского уезда. Официальный документ об этом расстреле не говорит и о партийности расстрелянных, указана только выполнявшаяся ими работа. Все расстрелянные из одной волости, одного Тамицкого общества: 1) И. М. Кабиков, 46 л., председатель ВИК; 2) Н. А. Воронин, 46 л.; секретарь ВИК; 3) Ф. А. Шадрин, 35 л., тов. председателя; 4) Ив. Ф. Волков, 42 л., зав. зем.-лесным отделом; 5) М. С. Зотов, 22 л., делопроизводитель; 6) А. Е. Васькин, 26 л., милиционер.

В Польском сельсовете того же уезда из девяти человек, подвергшихся репрессиям, шесть расстреляно, седьмой убежал с места расстрела, и только двое отделались тюрьмой. Из шести расстрелянных — трое пленных красноармейцев.

В с. Нюхче (Карелия) лейтенант Рублевский проводил мобилизацию в белую армию. И, так как крестьяне от этого уклонялись, Рублевский схватил шесть человек и той же ночью, объявив от имени английского правительства приговор, — расстрелял.

Пребывание белых в Яренском уезде, населенном преимущественно коми (зырянами), сказалось полным разрушением хозяйств коми-крестьян. Белогвардейцы, по традиции «истинно-русских», считали коми какими-то там «инородцами», с которыми можно поступать, как заблагорассудится.

В Яренский уезд, отстоящий за сотни километров от основных баз снабжения, мало или совсем не забрасывалось продовольствия для действовавших там белогвардейских частей.

Продовольствие добывалось белыми на месте путем реквизиций, вырезки скота. Население обязано было содержать своих поработителей.

На весь уезд наложил свою кровавую руку капитан Орлов. Тов. Ив. Каплин, после разгрома белых бывший председателем уездной комиссии по установлению жертв и зверств, учиненных белыми, приводит данные, что по уезду было расстреляно до ста человек.

Только в селах Айкине, Устьвыми и Коковицах капитаном Орловым было расстреляно свыше 40 человек, причем расстреливаемые подвергались издевательствам и

мучительным пыткам В. с. Айкине схваченный врасплох местный фельдшер—секретарь ячейки РКП—был живым утоплен в проруби, а плакавшую семью, в том числе и детей, на два дня посадили в холодный сарай и после, по приказу Орлова, выпороли нагайками и шомполами. Один моряк из действовавшего в уезде отряда тов. Мякишева попался в плен белой разведке. Моряка привели на Вычегду и приказали рубить прорубь. Тот отказался, за что ему перерезали сухожилия локтевого сустава, а прорубь сделали сами и с напутствием—«будь водяным комиссаром»—сунули под лед.

8. Расстрел архангельских подпольщиков (карт. худ. Догадина—Северный музей революции)

Непередаваемым кошмаром всплывают картины белобандитских расправ на Печоре. Многоводная Печора схоронила в себе сотни замученных, расстрелянных, изрубленных, утопленных живьем жертв белого террора. Сотни расстрелянных и замученных коми-партизан, трудового крестьянства, красноармейцев нашли последний приют в лесах и болотах Печорского уезда.

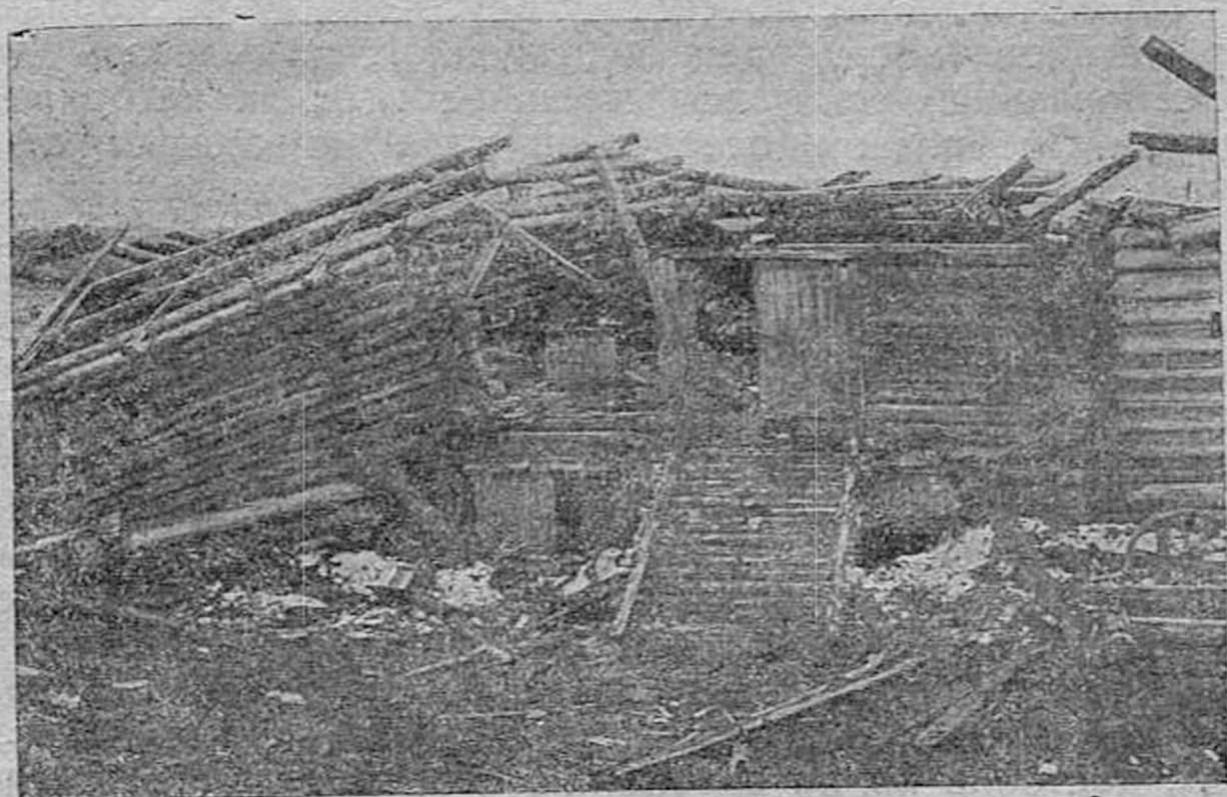
С приходом белогвардейцев обнаглевшее кулачье Печоры подняло голову. Кулаки становились во главе карательных отрядов, руководили расправой, расправлялись собственноручно. Так, например, печорский кулак из деревни Лащ—Попов, до прихода белых разыгрывавший из

себя коммуниста, при белых предавал, ловил коммунистов и сочувствующих им. Из-за предательства Попова в с. Извайли к белым попало пять коммунистов—братьев Уляшовых и часть сочувствующих. Избитых до полусмерти их повели в штаб. Дорогой снова избили прикладами, нагайками, стреляли над головами, издевались. В штабе опять избиение, допрос с угрозами пристрелить на месте, а присутствовавший тут же кулак Попов приговаривал: «Это вам реквизиция, это вам свобода, это вам советы». Никакие пытки и угрозы не могли сломить Уляшовых. Случайно вырвавшись из белогвардейского застенка, они после долгих скитаний добрались до красноармейского отряда, с которым отняли у белых свой Извайль и во главе организованного ими извайльского партизанского отряда поднялись на белых. В ноябре 1919 года, когда почти вся область Коми была под белыми, в их руки попал преданный старым другом один из братьев Уляшовых—Егор, которого они в Троицко-Печорске изрубили на куски. После Егора с разгромом партизанского отряда попали к белым еще два его брата. Им, в числе пяти партизанов, по показаниям свидетелей, выкалывали глаза, отрезали пальцы, уши, нос и др., и затем обезображенные трупы бросали в прорубь, не дозволив родным похоронить. Таким же образом погиб четвертый брат Уляшов, погибла большая часть отряда, и последним, как говорит в своих воспоминаниях тов. Шахов,—пятый из братьев—организатор и вдохновитель партизанской борьбы Извайля, председатель волисполкома, Уляшов Дмитрий Дмитриевич. Для него бандиты приберегли мучения, еще не применявшиеся ими: «После оплеух, плевков, зуботычин раздели его донага, потом посадили на лед, опускали в прорубь, поднимали, гоняли и снова опускали в прорубь. Вечером кормили, поили водкой, а утром то же самое—и так в течение трех дней. Наконец, должно быть, пресытившись, Уляшова голым, привязанного к дереву, оставили на ночь. Утром Уляшов замерзшим трупом был брошен в Ижму».

Издевательства, пытки, какие применялись на Печоре, объяснимы только на языке психиатрической экспертизы...

Приведенные отдельные факты о белом терроре в уездах—только незначительная доля из всего пережитого подвергавшимися арестам. Большая часть самых жутких фактов осталась тайной контрразведок, тайной, похоронен-

ной вместе с замученными, расстрелянными по далеким деревням или на архангельских мхах...

9. Развалины крестьянского дома в одной из разрушенных артиллерией деревень.

V. МУДЬЮГ

Самым кошмарным, наиболее позорным во всей деятельности эсеровской и англо-французской демократии было создание каторжных тюрем Мудьюга на маленьком песчаном острове в Двинской губе Белого моря и — Иоканьги на Мурманском побережье.

Первое время после прихода к власти, когда еще слишком свежи были декларативные обещания о свободах, белый террор проявлялся только в массовых арестах. Но уже через три недели, к концу августа 1918 года, губернская тюрьма не вмещала всех арестованных, а их большое скопление в центре города считалось опасным; режим тюрьмы казался слишком мягким для таких людей, как большевики, и Верховное управление сочло необходимым, с одной стороны, разгрузить Архангельск от «неблагонадежного элемента» и с другой — усилить репрессии. Для лучшего разрешения таких задач в конце августа 1918 года правительство социалистов открыло

на острове Мудьюге «первый концентрационный лагерь для военнопленных».

На самом деле, по своему внутреннему распорядку, по установленному режиму, мудьюгский «лагерь для военнопленных» оказался страшнее царских каторжных тюрем Сибири и впоследствии стал называться официально своим настоящим именем — каторжная тюрьма.

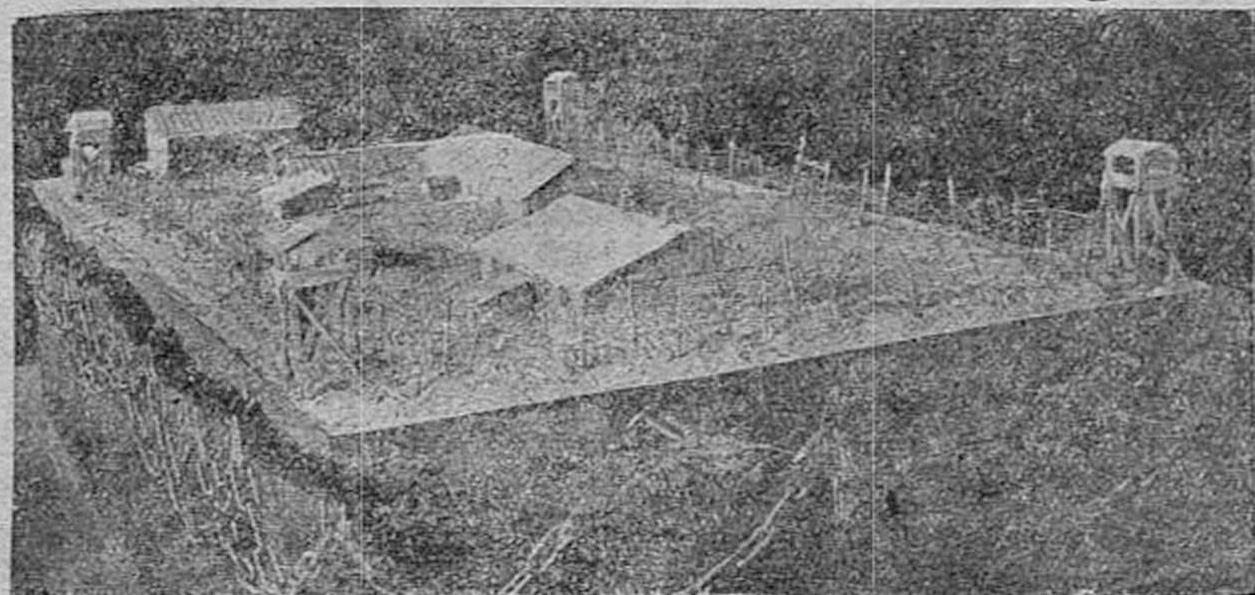
Первая доставленная на Мудьюг партия каторжан в 134 человека никак не подходила под рубрику военнопленных; около половины ее состояло из выборных или служивших по найму работников советских учреждений и профсоюзных организаций, арестованных за принадлежность к коммунистической партии, за сочувствие советской власти или просто по подозрению, на основании доносов; правда, имелось до 70 человек, главным образом аполитичной молодежи, служившей в Красной армии, но очень недолгое время.

Из среды заключенных — бывших офицеров администрация каторги выдвинула надсмотрщиков — ротных, взводных, поставив их, по сравнению с остальной массой заключенных, в привилегированное положение. «Господа офицеры», как их нужно было теперь величать, освобождались от работ, им отводили отдельные, лучшие помещения. Такое разделение, вместе с каторжным режимом, должно было убить всякую попытку организованных, совместных выступлений каторжан и облегчало задачу держать их в повиновении.

Чтобы как можно больше разобщить заключенных, помимо выделения «офицеров» — ротных и взводных, ввели своего рода премиальную систему. На вечерней поверке отдельным арестованным, «отличившимся» на работе, выдавалось по ложке рисовой каши. Ложка рисовой каши для голодных стоила дорого. Если она и не оправдала полностью своего назначения — посеять раздор среди заключенных, то все же обошлась дорого, так как стоила нескольким замученным в карцере жизни. Но о карцере после.

Прибывшие на Мудьюг 23 августа 1918 г. первые 134 «военнопленных» должны были своими руками построить и оборудовать для себя помещения с пристройками, в первую очередь — карцеры-землянки. Вся площадь лагеря была очищена от леса, обнесена в два ряда проволочным ограждением высотой более трех метров.

Злой иронией над буржуазными «демократическими» свободами были администрация и гарнизон лагеря, — они были французскими. Буржуазная Франция, выставляющая всюду свое революционное прошлое, Франция, где восставший народ во время Великой французской

10. Макет Мудьюгской каторжной тюрьмы. (Музей революции).

революции 1789 года разрушил Бастилию — тюрьму для политических заключенных, теперь поставила своих тюремщиков на каторгу для политических заключенных в России. Традиции революционного прошлого Франции не помешали ей установить на Мудьюге режим, унесший в могилу сотни политических борцов, участвовать в союзнической контрразведке Архангельска.

«Военнопленные», которых теперь как большевиков не считали людьми, должны были подчиняться исключительным по своей свирепости правилам, где после каждого пункта стояло — смертная казнь или заключение в карцер. За побег или попытку к побегу полагалась смертная казнь. Этот пункт впоследствии в точности осуществлялся. Запрещалось петь «бунтовщические» песни, к которым относились, согласно разъяснению администрации, «вообще все революционные песни».

Не считая достаточным наказанием заключение с принудительными работами в условиях режима военно-каторжной тюрьмы, белогвардейщина и англо-французы сочли необходимым морить заключенных голодом. Согласно раскладке продовольствия на каждого полагалось:

галет — 4 штуки	200	граммов
консервов $\frac{1}{2}$ банки	175	»
риса	42	»
соли	10	»

Такой паек, при тяжелой подневольной физической работе, приводил «военнопленных» к медленной голодной смерти.

На почве голода ежедневно происходили тяжелые сцены, особенно во время раздачи продуктов. Каждому казалось, что его сосед получил больше. Большинство паек проглатывался сразу, и остальное время суток нужно было сидеть голодом. Особенно от этого страдала молодежь.

Выходя на работу, каторжане старались попасть ближе к помойным и мусорным ямам, к свалкам, к окнам гарнизона, чтобы найти хоть какие-нибудь отбросы съестного: кожуру от картофеля, кусочки сала, корки. Все это тут же нарасхват пожиралось. Порой во время поисков на их головы из окна, как на бродячих собак, выливались помои. Сверху слышался пьяный смех довольных своей шуткой французов.

Однажды на работе заключенные откопали бочку гнилой рыбы, брошенной за непригодностью к употреблению, когда еще на Мудьюге находились красноармейские части. Разложившуюся, нестерпимо зловонную рыбу тайком от конвоя сварили и съели.

Людей, истощенных голодом, палачи каждое утро выгоняли на тяжелые работы. Падавших от изнеможения поднимали прикладами. Режим голода, издевательств, побоев сказался быстро. В октябре, через два месяца со дня открытия «лагеря военнопленных», Мудьюг посетила первая смерть, умер первый заключенный. Умер от истощения, голодной смертью. Впоследствии для многих такой конец стал обычным.

Чтобы создать совершенно невыносимые условия существования в лагере, «военнопленных» лишили медицинской помощи, лишили самого необходимого для профилактики: не было бани, не давали смены белья, не давали мыла. Правда, на острове все время жил доктор (первое время француз, затем англичанин), но лечение заключенных в его обязанности, видимо, не входило.

Доктор, когда к нему обращались за помощью, неизменно советовал истощенному голодом и каторжной работой пациенту: «Вы ничего не кушайте и ходите на работы, вам нужен воздух».

Отсутствие бани, мыла, смены белья, чрезвычайная скученность, когда в бараке, рассчитанном на 100 человек, сидело 350 и более,— породили невероятное количество паразитов. Достаточно указать, что простое вылавливание насекомых и сжигание их на огне не давало никаких результатов. Многих заключенных просто выводили за дверь, и с них паразитов стряхивали метлой, как приставшие к одежде опилки. Под ногами в бараке всегда слышался противный хруст...

Невероятные антисанитарные условия и голод создали благоприятную почву для заболевания цынгой, тифом, а улучшить положение было не в расчетах администрации. Наоборот, администрация всячески изощрялась, чтобы сделать существование «военнопленных» совсем невыносимым.

Не ограничиваясь издевательствами и побоями во время работы, заключенных не оставляли в покое и ночью. Переводчик — сержант Лерне с вооруженными французами-матросами из гарнизона по ночам врывается в барак для обысков. Одновременно с обыском происходили избиение и отправка в карцер на срок до 15 суток.

Выгоняя на поверку или на работу, не хотели считаться, здоров человек или нет. Арестант Климов не мог выйти из барака на поверку. Он умирал. Сержант Лерне вытащил Климова из барака, избивая палкой. Через 5 минут после поверки Климов умер. Другой заключенный умер через два часа после возвращения с работы.

Для больных полагался лазарет, но по своему назначению он служил пересадочным пунктом для отправки к праотцам. Больные избегали попадать туда, предпочитая умереть в общем бараке.

Мудьюгский «лазарет» можно было сравнить только с карцером. Стены лазарета из тонких досок в два ряда внутри засыпались сырым песком. Ссохшийся песок оседал, высыпался в щели между досок, и по «лазарету» гулял зимний ветер. Температура—до 10° ниже нуля по Реомюру. Закутавшись в свои лохмотья, больные дрожали от холода. Дело дошло до того, что некоторые выходили (если не умирали) из «лазарета» с обмороженными ногами.

Особенно плохо стало зимой. Смерть ежедневно уносила свои жертвы. За сутки погибало по несколько человек. Трупы умерших ночью оставались лежать до утра между живыми. Число кладбищенских крестов на пригорке, вблизи барака, все увеличивалось. Сержант-француз, по утрам входя в барак, обычно спрашивал: «Сколько большевиков сегодня капут?»

«Капут» пришел для многих. На пригорке близ барачков расположилось кладбище. Для части умерших старанием заключенных ставились кресты, на жестяных дощечках которых отмечалось, кто похоронен и когда умер. За 9 месяцев существования «лагеря военнопленных», к июню 1919 года на кладбище насчитывалось 102 креста, при чем многие попали в общую могилу. Кроме того, немало мудьюжан умерло в губернской тюрьме, иные погибли, будучи отправленными перед допросами на «поправку», в больничном городке, в лагере Кегострова, многие оказались расстрелянными по приговору военно-полевого суда. В последние месяцы перед ликвидацией мудьюгской каторги смертность не сокращалась, а увеличивалась.

✓ Самое страшное место Мудьюга—карцер. Под первый из них, за недостатком специально отстроенных карцеров, отвели землянку—заброшенный ледник. Ледник-карцер внутри был выложен досками, с боков, сверху зарыт землей и кругом обнесен колючей проволокой. Новые карцеры строились по типу ледника: копалась яма около 3 метров глубиной, площадью 9 шагов на 14, туда опускался сруб из досок; сверху, подпертые балками, они засыпались землей,—и карцер готов. Достигалась абсолютная темнота.

Карцеры строились в осеннее и зимнее время. Мокрая или промерзшая земля тепла нисколько не держала. Долго не ставили печек. Позднее, когда их, наконец, поставили, земля стала оттаивать, с потолка и со стен потекла вода, поднялись клубы пара, смешанные с удушливым дымом. Первые несколько человек, «обновлявших» карцеры, когда в них еще не было печек,—через восемнадцать суток сидения там вышли с обмороженными ногами. Они сидели, когда на улице морозы превышали 20° по Реомюру.

Что представлял собою карцер и каково было там сидеть,—об этом рассказывает тов. Андрюхин, один из первых попавший в карцер, где пробыл пятнадцать суток. Андрюхин едва ли не единственный оставшийся в живых

после столь продолжительного сидения в карцере. Остальные его сожители по карцеру или умерли, не выдержав, или были расстреляны, как, например, председатель союза рабочих лесопильных заводов тов. Левачев, отсидевший в таком карцере шестьдесят суток.

Андрюхин и его товарищи отсидели в карцере отчасти из-за упоминавшейся нами «премиальной» ложки рисовой каши. Во время разговора заключенных о возможности побега с Мудьюга Андрюхин сказал: «Прежде чем говорить о побеге, нужно сильнее сплотиться... Докажите, что вы мужественны, и откажитесь от этих объедков, которые вам дают, как собакам». Слова эти донесли коменданту, и Андрюхин вместе с председателем

11. Мудьюгский карцер

Архангельского совета Гуляевым оказались в карцере, обвиненные в организации побега.

«Среди нас (6 человек попавших в карцер), — вспоминает тов. Андрюхин, — был больной, почти голый латыш (Крац), который первый выбыл из строя. Давали нам в карцере две галеты и горячую воду. Ужасна была первая ночь... Холодные, голодные, плохо одетые, мы чувствовали, что начинаем замерзать. Для того, чтобы хоть как-нибудь себя согреть, стояли и топтались на одном месте, так как ходить по карцеру не представлялось возможным, — мешали столбы, подпиравшие потолок, и в темноте мы все время стучались об них или друг о друга».

Крац на вторую ночь не выдержал, не мог двигаться, стонал, бредил и в третью ночь умер близ товарища, старавшегося согреть его теплом своего тела. Утром его труп за ноги вытащили из карцера. В третью ночь свалился и больше не вставал тов. Гуляев. По распоряжению сержанта, умирающего Гуляева товарищи перенесли в

«лазарет». У него оказались обмороженными ноги, с которых вместе с бельем слезала кожа. К людям, доведенным до полного отчаяния, поместили умалишенного и провокатора. Один из шести обитателей карцера не выдержал, согласился дать показания для раскрытия несуществующего заговора с тем условием, чтобы его перевели в Архангельскую тюрьму. О своем намерении он заранее известил товарищей по карцеру и действительно его отправили в Архангельск. Андрюхин, заболев дизентерией и водянкой, тоже был вывезен в Архангельск.

Особенно трагическим оказалось сидение в карцере для председателя Шенкурского уездисполкома Георгия Иванова и для Лохова—слесаря с Путиловского завода, сидевших в заброшенном леднике, где, помимо холода (конец ноября) и плесени, воздух был отравлен разлагавшимися, брошенными когда-то остатками продуктов и экскрементов. Лишенные пищи и горячей воды, тт. Иванов и Лохов оказались обреченными на верную смерть. Вблизи ледника-карцера работали заключенные, и к ним оттуда беспрестанно неслись мольбы и стоны: «Товарищи... помогите... товарищи...»

Работавшие у ледника рассказали: «Как только раздался звук наших молотков, мы услышали слабый крик из ледника: — Товарищи!..»

Мы невольно перестали работать и прислушались. Голос звучал из-под земли сдавленно и глухо.

— Товарищи, попросите у французов горячей воды, ради всего святого...

Мольба и отчаяние звучали в этом крике. Они не просили о пище, это было бесполезно, они просили лишь несколько глотков горячей воды.

Мы передали их просьбу часовому. Он ответил, что сержант запретил давать им что-либо, кроме холодной воды. Так мы узнали, что лейтенант приказал часовому, в случае, если мы вступим в разговор с заключенными, стрелять в нас без предупреждения.

Крик из подземелья повторился, но чем мы могли помочь несчастным?..

— Товарищи!— в третий раз услышали мы. Молотки дрожали в наших руках и стучали неуверенно. Я взглянул на часового. По его щекам катились крупные слезы. Он смахнул их платком, вскинул на плечо винтовку и решительно направился к солдатскому бараку, оставив нас

одних. Мы догадались, что он решил просить сержанта. Вскоре часовой вернулся и по его смущенному выражению лица без слов было понятно, что начальство неумолимо.

Крик из подземелья больше не повторился...¹

Полуживых Георгия Иванова и Лохова увезли в Архангельскую тюрьму, где они умерли от тифа.

Двенадцатимесячная мудьюгская драма по времени распадается на два периода: первый с 23 августа 1918 г. по 29 мая 1919 года Мудьюг фигурирует как «концентрационный лагерь для военнопленных» и второй с 22 июня 1919 года по день ликвидации (конец сентября 1919 года), когда Мудьюг приобрел свое настоящее, ставшее официальным, имя — «Мудьюгская каторжная тюрьма». Второй период, несмотря на свою краткость, оказался не менее драматичным, нежели первый.

Обзаведясь таким важным учреждением, как каторжная тюрьма, со своим, а не французским гарнизоном, правительство социалистов, видимо желая доказать твердость своей власти, не только полностью восстановило режим царских каторжных тюрем Сибири, но пошло еще дальше.

В один из июньских дней 1919 года архангельская буржуазия могла наслаждаться редким, не виданным ею зрелищем. Из губернской тюрьмы через центр города усиленный конвой вел к пристани партию закованных в кандалы арестантов-каторжан. Это была первая партия, отправленная на Мудьюгскую каторгу. Каторжане прибыли на Мудьюг закованными, в кандалах отработали три дня и были раскованы. Больше кандалы не применялись, да в условиях Мудьюга для падавших от изнеможения людей в этом уже не было особой надобности.

Восстановление каторги царских времен сказалось не в одном переименовании. Администрация Мудьюгской каторжной тюрьмы, сменившая французов, состояла из опытных тюремщиков старого времени. Начальник каторги Судаков раньше был помощником начальника одной из сибирских каторжных тюрем с пятью тысячами

---

¹ П. Рассказов — Записки заключенного, стр. 70.

каторжан. Судаков не только не скрывал своей прежней деятельности, но всячески хвастал ею перед каторжанами. Его образ довольно ярко обрисован П. Рассказовым: «На маленькой пристани стоял высокий, толстый мужчина в военной английской форме с русскими погонами защитного цвета. Его вполне можно было принять за белогвардейского офицера, и только темно-синяя фуражка с светлосиним кантом говорила о его принадлежности к тюремному ведомству... В руках его была простая, некрашеная палка на тоненьком черном кожаном ремешке, которою он нетерпеливо помахивал и нервно постукивал по доскам пристани, громко ударяя тяжелым железом — не то болтом, не то барочным гвоздем, — которое было приделано на конце палки. Это начальник катсрги Судаков»¹

Комендант острова Мудьюга капитан Прокофьев оказался во много раз хуже самого Судакова. Это был какой-то садист. Он всячески изощрялся в придумывании для заключенных самых тяжелых и унижительных занятий. До смены французского гарнизона острова Прокофьев командовал особым карательным отрядом, производившим расстрелы.

Из губернской тюрьмы перевели опытных, старых тюремщиков — Воюшина и Трубникова. Зав. хозяйственной частью Черняев в дореволюционное время служил надзирателем в Архангельской тюрьме,

Тюремщикам и гарнизону проявлять полностью свои способности мешало то обстоятельство, что положение белых на фронтах становилось шатким, и союзники собирались уходить. Все же, чем только могли, тюремщики старались досадить каторжанам.

Начальник каторги Судаков каждую прибывающую партию каторжан предупреждал о заведенных им порядках:

«Вы переступили сейчас порог каторжной тюрьмы. Это вам не губернская тюрьма, где вы жили, как в хорошей гостинице. Здесь каторга, понимаете ли вы?.. каторга. Здесь свои порядки, свои законы. Отныне вы лишены не только всех прав, но и собачьего лая. Теперь вы должны отвечать только: «так точно», «никак нет». Никаких других ответов, никаких рассуждений я здесь не допущу. Я был помощником начальника каторги

¹ П. Рассказов. — Записки заключенного, стр. 118.

в Сибири, у меня там было пять тысяч каторжан, и они все дрожали передо мной. Я вас так драть буду, что мясо клочьями полетит. Мне дана власть такая. Я могу пристрелить каждого из вас и, как собаку, выбросить в лес»...

Предупреждения Судакова не оставались только словами,— он осуществлял свои угрозы полностью. Возьмем хотя бы такой пример, как убийство трех каторжан — Варфоломеева, Лупачева и Котлова — 30 июля 1919 года, пытавшихся бежать с острова. Беглецы не успели переправиться на берег, как были пойманы. Озверевшие конвойные, рискуя своими головами за побег, постарались выслужиться перед администрацией, отдавшей приказ — живыми не брать, и стреляли по сдавшимся в упор, а раненых добили прикладами.

Труд заключенных, который должен был бы укреплять их физически и поддерживать своей полезностью, палачи превратили в одно из совершеннейших орудий пытки. Мудьюгский каторжанин — заложник Франции П. Рассказов приводит исключительные, пережитые им и его товарищами по каторге факты издевательства — пытки трудом. Заключенных заставляли слоняться по острову в поисках лошадиного помета, собирать консервные банки или по пояс в воде косить сено... столовыми ножами. Прокофьеву доставляло особое удовольствие заставлять чистить досуха выгребные ямы его, комендантского дома.

«Когда мы открыли яму, в ней ничего не оказалось, и чистить ведром было невозможно. Часовой заглянул в яму и крикнул старшему. Тот сходил к Прокофьеву и смущенный вернулся назад. Прокофьев, не обращая внимания на его заявление, сказал:

— Пусть языками вылижут, но чтобы чисто было.

Делать нечего, приходилось исполнять каприз самодура. Пока мой коллега по новой профессии ходил разыскивать лестницу, из дома вышел сам Прокофьев, направляясь ко мне.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста, в его черных волосах серебрилась седина. С резкими, нервными движениями, он шел как-то боком, смотря в землю. Каждое движение говорило о жестокости и бессердечности этого угрюмого человека.

— Как фамилия? — отрывисто бросил он, хотя, повидимому, знал уже мою фамилию, так как по его распоряжению я и Ц. были назначены на чистку клозетов.

Отвечаю.

— Сколько дали?— задает второй вопрос Прокофьев, и я догадываюсь, что он спрашивает о сроке, на который я осужден.

Опять отвечаю.

— Мало,— вдруг выпалил Прокофьев,— жди пока расстреляют.

И он, быстро повернувшись на каблуках, ушел. Пока он меня спрашивал, я ни разу не мог уловить взгляда его глаз, которые все время были опущены в землю. Когда я передал свой разговор с Прокофьевым товарищам, они сказали мне, что это его любимые вопросы, а взгляда этого человека никто не видал. Он всегда рыскал по земле, и прямо в глаза Прокофьев никому не смотрел.

Ц. принес лестницу. В это время подошел опять Прокофьев. Он убедился, что в клозете ничего нет и что не только ведром, но даже ковшом ничего не зачерпнешь, и все-таки не только не отменил своего распоряжения, но нашел маленькую жестяную банку, величиной со стакан, и приказал ею вычерпывать из клозета.¹

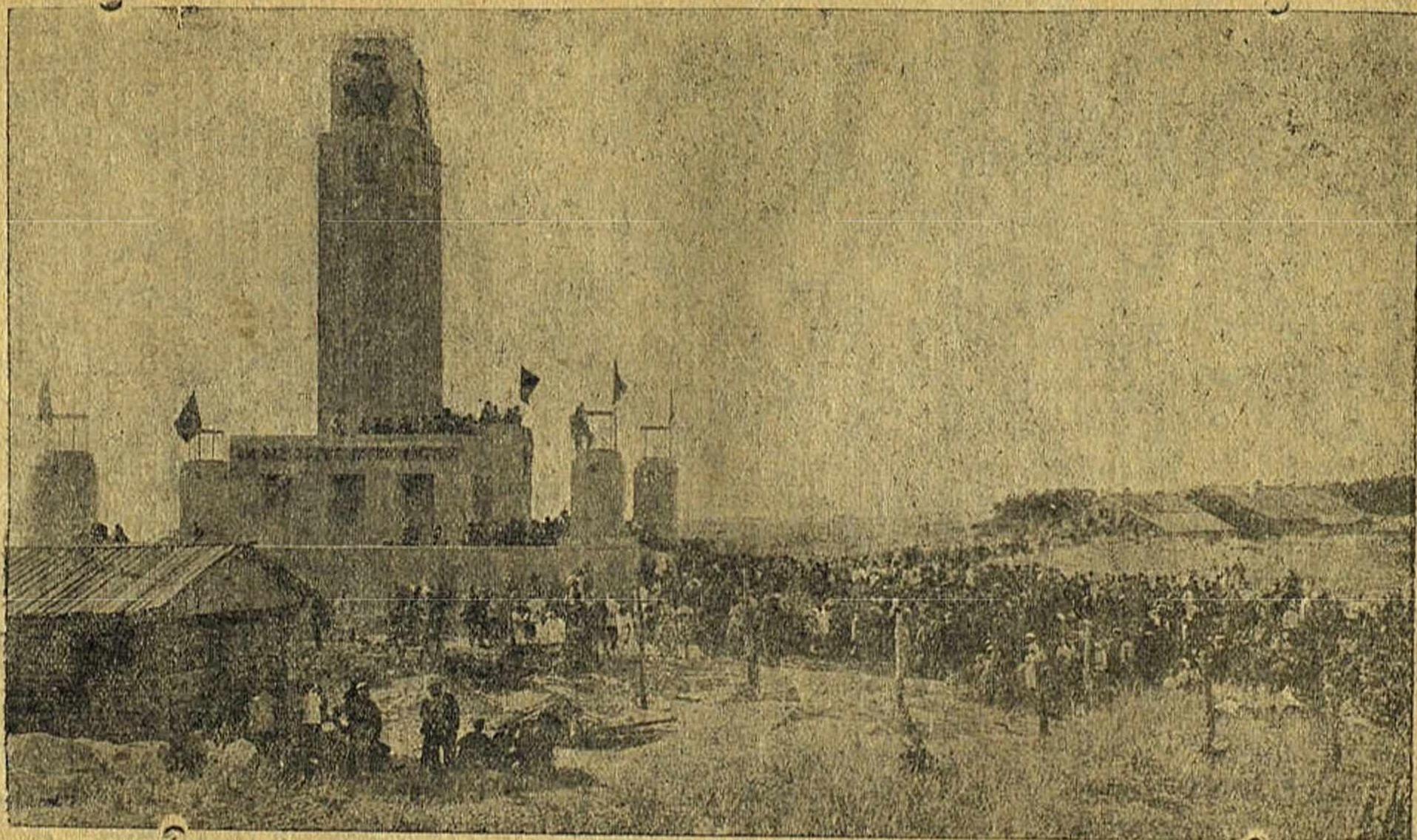
Другим видом бесцельной работы было рытье ям. Вырытый песок перетаскивали с места на место, а ямы, если ветер не засыпал их песком, заключенные зарывали сами.

Какова бы ни была работа, выполнявшаяся заключенными,— производительная или никому не нужная,— она неизменно сопровождалась избиениями. Мудьюгский каторжанин тов. Лесуков вспоминает об условиях подобной работы из-под палки:² «Нас заставляли работать, не разгибая спины, в течение 10 часов и за малейший пустяк жестоко били. Помню жестокую расправу французов с матросом Аладышевым, который при разгрузке галет с вагонетки схватил выпавшую из ящика галету и стал ее жевать. За это французы до полусмерти пороли его резиновой плеткой, после чего он в бессознательном состоянии был брошен в карцер, где просидел 7 суток и вышел оттуда совершенно изнуренным. По выходе из карцера его сразу же заставили таскать груз. Измученный,

---

¹ П. Рассказов. — Записки заключенного, стр. 129.

² Сб. Арх. Истпарта 1925 г., № 1.

12. Остров Мудьюг. Открытие памятника жертвам интервенции

бессильный, он не мог работать и падал. Тогда французский переводчик вместе с русским переводчиком. Абрисимовым набросились на него и стали бить доской» Арестованные вступились за товарища, требуя расстрелять их, но прекратить избиение. Переводчики приказали тащить Аладышева в лазарет. Избитый до потери сознания Аладышев итти не мог. Его понесли, и он умер на носилках.

Состав мудьюгских каторжан был чрезвычайно разнообразен. Здесь содержались и каторжане и следственные, большевики, большевистски настроенные и совершенно аполитичные, угодившие под арест или на каторгу неизвестно за что. Такую массу людей, численностью свыше 500 человек, не представлялось возможным организовать не только на какое-нибудь решительное выступление, но хотя бы на дружный протест против дикого произвола администрации каторги. Самый режим ее, казалось, исключал всякую попытку организовать, выразить протест: на каждом шагу — шпионаж, свирепый надзор, короткая расправа, карцерное заключение, пытка голодом, каторжная работа, выделение из среды заключенных кадра «офицеров», имевших право, наряду с администрацией, наказывать, кого вздумается, карцером или лишением пайка. Все это сломало многих, но в то же время иных закалило в непримиримости к угнетателям. Настроение такой части каторжан вылилось в длительной подготовке и осуществлении грандиозного побега.

Для организации побега с «острова смерти» актив политических каторжан выдвинул пятерку — «совет пяти» в составе товарищей: Стрелкова, Поскакухина, Коновадова, Молчанова, Бечина. Ускорению побега содействовал ряд причин: ухудшавшееся в связи с уходом англичан положение белых, неверие всех кругов населения в успешный исход борьбы с Советской Россией, волнения рабочих, белогвардейских частей и связанное с этим усиление репрессий — диктатуры военщины. Переполненные тюрьмы и мудьюгская каторга с ее 400-500 обитателями представляли серьезную опасность для белогвардейского тыла, и «временное правительство» сочло нужным открыть каторгу в местах более отдаленных, с более суровым режимом. Местом для новой каторги к сентябрю 1919 года избрали Иоканьгу — заброшенное становище на Мурманском побережье, за полярным кругом. Как и во всякой

тюрьме, мудьюгские каторжане жили слухами. Быстро дошедший к ним слух о неизбежной отправке на Иоканьгу и наступившая осень приблизили время побега, который и состоялся 15 сентября 1919 года.

Сравнительно хорошо подготовленный, дерзко смелый по замыслу, побег вышел не очень удачным. Успели бежать, переправившись в крестьянских лодках на берег, только 60 человек. Из них шестеро погибло в пути, несколько человек попало в руки белогвардейских застав и разведок. Остальные, пройдя лесом и болотами сотни километров, добрались до Советской России и, едва поправившись от всего пережитого, влились в действующие части Красной армии.

Неудача побега (из 400 человек бежало только 60, несколько было убито в самом начале) объясняется отсутствием спайки, организованности, потерей решимости у большинства заключенных и необычайной трудностью осуществления побега. Каторжанам предстояло голыми руками обезоружить доходивший до 100 человек гарнизон острова, переправиться через пролив на материк и голодными пройти сотни километров прифронтной и фронтной полос в окружении белогвардейцев.

После выстрела — сигнала к побегу несколько часовых у барачников оказались сразу же обезоруженными, барак открыт, но большая часть заключенных, напуганная начавшимся обстрелом, металась, не решаясь выступить. Призывы тт. Стрелкова и Поскакухина: «Товарищи! выходи... свобода!» — не действовали. Среди выбежавших из барака поднялась паника, одни из них скрылись обратно в барак, другие убегали в лес, и только около 50 человек во главе с тт. Поскакухиным и Стрелковым, безоружные, бросились на конвой и, попав под перекрестный обстрел, оказались вынуждены спасаться бегством вглубь острова к переправе, а не успевших бежать конвойные загнали в бараки.

Беглецы, переправившись на материк, перервали телеграфную связь, но Архангельск о побеге узнал быстро. По всей области полетели телеграммы — приказы задерживать беглецов. В тот же день — 15 сентября 1919 года — к 10 часам вечера из Архангельска на Мудьюг на двух пароходах приехали начальник каторги Судаков, тюремный инспектор Гумберт, контрразведка и специальная воинская часть. Весь день 16 сентября ушел на допросы

и следствие, а вечером, при солнечном закате, поставленным на берегу моря 13 каторжанам прочитали приговор — расстрелять.

Из опасения, чтобы вместо 13 каторжан не оказаться расстрелянными самим, офицеры (судьи, контрразведчики, Судаков) перед осужденными выставили две цепи солдат. Расстреливать должна была первая цепь из неблагонадежных солдат, вторая цепь, из более благонадежных, выстроилась позади первой и в стороне — на

13. Экскурсия рабочих на Мудьюг. Быв. политкаторжанин, заложник Франции, тов. Горохов выступает с воспоминаниями

случай ее отказа расстреливать. У нескольких, направленных на обе цепи пулеметов стояли наготове офицеры... После трех залпов на месте за минуту перед тем стоявших тринадцати человек лежало тринадцать трупов.

Расстреливаемые вели себя стойко. Они не надеялись на пощаду и не просили ее. Свидетельство одного из наших злейших врагов — полевого военного прокурора Северной области Добровольского — говорит достаточно убедительно о поведении расстреливаемых перед казнью: «Произведенным расследованием была установлена виновность 11 лиц, принимавших самое активное участие в бунте в качестве руководителей, которые были

расстреляны по приговору военнопольного суда, при чем во время расстрела они кричали: «Да здравствует советская власть!»¹

Расстрелом тринадцати мурманская каторга кончила свое существование. После Мурманска в историю белого террора вошла последняя, самая кошмарная страница — «Иоканьгская ссыльно-каторжная тюрьма».

VI. ИОКАНЬГА

До 1919 года о Иоканье знали и слышали немногие поморы, ходившие по Мурманскому побережью Ледовитого океана. 1919 год положил начало широкой известности Иоканьи как ссыльно-каторжной тюрьмы. Известность Иоканьи связана с внутренней политикой белогвардейского правительства Северной области.

Звонкие декларации о свободах, провозглашенные эсерами в момент вручения им власти союзниками (август 1918 г.), повисли в воздухе. Вместо «свобод» трудовое население области испытывало с каждым днем все усиливавшийся гнет военщины.

Открытая диктатура буржуазии, безудержный террор, направленный против лучших представителей рабочего класса, переполненные рабочими и крестьянами тюрьмы — все это послужило к разочарованию отсталой части рабочих, отдельных слоев среднего крестьянства и просто обывателей в демократичности белых.

Начавшееся в рабочей среде брожение ярко отразилось в так называемом «деле Бечина». Бечин, Цетлин, Наволочный, Клюев и другие, стоявшие во главе меньшевистского совета профсоюзов, на митинге во вторую годовщину Февральской революции выступили с речами, доказывая, что в данное время (март 1919 года) настроение рабочих масс, под влиянием внутренней политики белого правительства, — на стороне советской власти. Выступавшие за ними рабочие подтверждали свои симпатии к советам. Необходимо заметить, что митинг проходил на судоремонтном заводе, с Февральской революции до интервенции считавшемся крепостью эсеров и меньшевиков.

¹ Гражданская война в Сибири и Северной области. Мемуары. Ч. I, стр. 271. Относительно числа расстрелянных Добровольский ошибается: расстреляно за побег именно 3, а не 11 человек.

Выступление меньшевиков обошлось им долголетней каторгой. Их хозяева забыли о меньшевистских услугах интервентам в августе-сентябре 1918 года.

Не менее резкий поворот к советской власти совершился в армии — этом оплоте белогвардейщины. Летом 1919 года по всей белой армии проходит волна восстаний, а 5-й Северный полк, которым еще накануне высшее командование, производившее смотр, хвалилось как наиболее верным полком, целиком перешел на сторону Красной армии.

К августу 1919 года союзное командование, разочаровавшись в успешности борьбы с советами, и, главным образом, благодаря требованиям рабочего класса зарубежных стран, окончательно решилось на эвакуацию своих войск из пределов Северной области. Уход союзников, волнения в рабочей массе и в армии ставили в безвыходное положение белогвардейское командование, и оно не нашло ничего лучшего, как усилить террор. По области прокатывается новая волна арестов, расстрелов, проектируется новая каторжная тюрьма на островах Анзерском и Кондо — в Онежском заливе Белого моря. Для белогвардейщины оказались недостаточными наказания, налагаемые царскими законами (судили по законам Российской империи). По ходатайству полевого военного прокурора Добровольского генерал Миллер 14 августа 1919 года отдал приказ, согласно которому осужденные по статьям 102 и 126, части 1, 2 (попытка к ниспровержению существующего строя), вместо применявшейся срочной каторги, карались смертной казнью, а по ряду других статей соответственно повышались сроки каторги и расширялось применение ссылки на поселение.

Не ограничиваясь деятельностью контрразведок, генерал Миллер издал исключительный по своей наглости приказ, обязывавший всех следить за соседями и доносить в контрразведку. Приказ служил, с одной стороны, для острастки, с другой — для очистки совести усердного в доносах обывателя, который теперь мог оправдываться тем, что занимался доносами не из любви к искусству, а в силу приказа:

«Мне известно, что в Архангельске находится значительное число лиц, являющихся сторонниками советской власти, ведущих агитацию в пользу той власти и тем или иным путем содействующих неприятелю. В целях

облегчения властям возможности обнаружения этих лиц и задержания их для предания суду, предлагаю всем домовладельцам и содержателям гостиниц, меблированных комнат и отдельных квартир иметь наблюдение за всеми проживающими у них лицами и о всех, внушающих подозрение, сообщать немедленно лично в Военно-регистрационную службу (Троицкий пр., № 106, — в контрразведку. А. П.) или милиции».¹

Смертная казнь, мудьюгская каторга, тюрьма, ссылка на поселение казались распоясавшейся военщине недостаточными мерами воздействия на большевиков и обвиняемых в сочувствии большевизму. Требовалось что-то другое, исключительное, не применявшееся в царское время. Побег мудьюжан ускорил исполнение планов контрразведки. Вместо предполагавшихся каторжных тюрем на островах Анзерском и Кондо, каторжную тюрьму открыли за полярным кругом, в заброшенном становище Иоканьге.

Открытие Иоканьгской ссыльно-каторжной тюрьмы разрешало одновременно две задачи: «беспокойные элементы» убирались подальше от Архангельска и ставились в такие условия, что ни побег, ни выход живым не были возможны.

23 сентября 1919 года с парохода «Новая Земля» на Иоканьгу высадилась первая партия 360 каторжан. Вид раскинувшегося перед каторжанами полуострова превзошел все их наихудшие предположения. Член белогвардейского правительства Северной области Борис Соколов,² невольный попавший на Иоканьгу после бегства Миллера и видевший ликвидацию Иоканьгской каторги, дает ей такое описание:

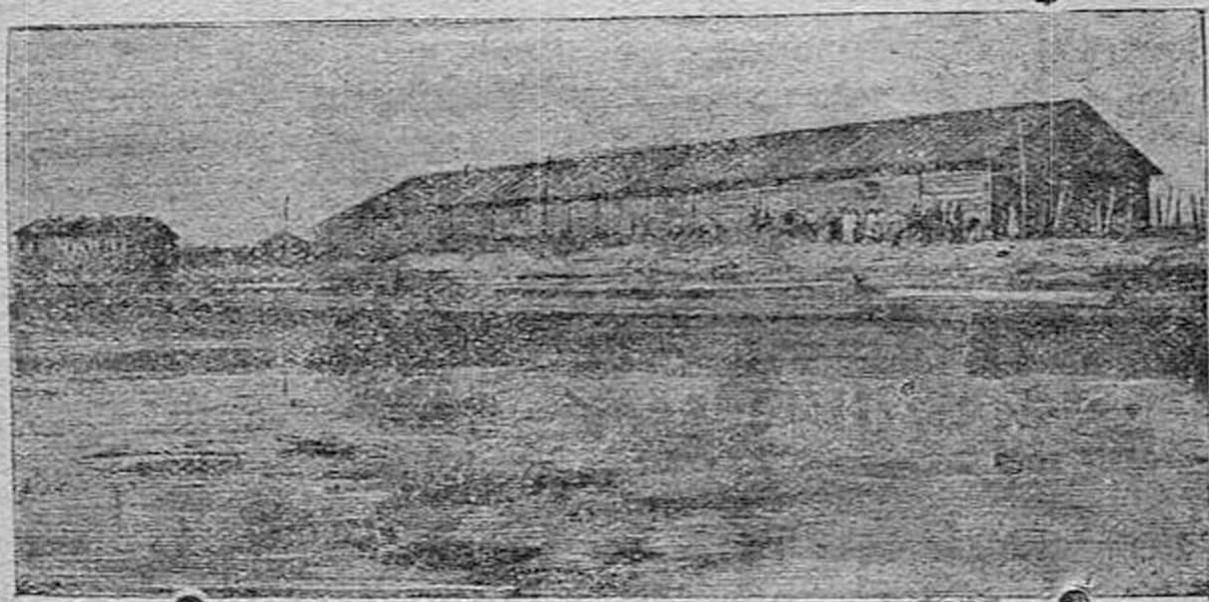
... «При самом выходе из горла Белого моря на Мурманском берегу — бухта. Кругом голые скалы, ни одного деревца. Постоянные неистовые ветры. Все это заставляло издавна людей избегать этих, как они называли, проклятых богом мест. Действительно, трудно представить себе картину более безотрадную, наводящую свинцовую тоску на душу, чем Иоканьгская бухта. Земля здесь особенная, скалистая, и даже в летние месяцы только слегка отогревается солнцем. На сотни верст — никакого

¹ Приказ главнокомандующего вооруженными силами Северного фронта, № 248 § 20, от 26 августа 1919 года.

² Ныне в эмиграции.

селения. Единственное сообщение с наружным миром — путем моря. Но в долгие зимние месяцы только изредка заглядывают ледоколы, застигнутые бурным восточным ветром. Здесь никогда не было селения, да и невозможно оно по местным климатическим и географическим условиям».¹

Правительство Северной области хорошо знало, что такое Иоканьга. К ужасающим климатическим и географическим условиям оно прибавило измор голодом. Голод породил цыngu, эпидемии тифа, дизентерии. Придерживаясь старины в своей тюремно-карательной политике

14. Иоканьгская ссыльно-каторжная тюрьма

белогвардейцы укомплектовали штаты иоканьгской каторги опытными тюремщиками царского времени. Начальником каторги поставлен был незаменимый для белых палач Судаков, о котором упомянутый уже нами Б. Соколов отзывается как о «личности безусловно ненормальной»... «Бывший начальник Нерчинской каторги, он, очевидно, оттуда принес все свои привычки и навыки. Он находил какое-то особое удовольствие в собственноручных избиваниях арестантов, для каковой цели всегда носил с собою толстую дубину... Пользуясь отдаленностью Иоканьги от Архангельска и тем, что никакого контроля над ним не было, он самым беспощадным образом обкрадывал арестантов на и без того скудном пайке».

¹ Б. Соколов. — Гражданская война в Сибири и Северной области, стр. 367.

За короткое время на Иоканьгу завезли 1200 заключенных. Сюда попали каторжане ликвидированной мудьюгской каторги, заключенные из губернской тюрьмы в виду ее разгрузки, арестованные в прифронтовой полосе и другие. Состав каторжан был такой же, как и на Мудьюге: часть коммунистов, сочувствующих советской власти или обвиняемых в этом, дисциплинарники, много попавших неизвестно за что, значительная часть уголовных и добавочно к ним — больше десятка провокаторов, список которых впоследствии нашли у Судакова.

Как и на Мудьюге, помещения для заключенных строились силами самих заключенных. За отсутствием строительных материалов сначала был сооружен большой фанерный барак и несколько землянок, осыпанных щебнем. Земляной пол, сырые стены, крохотные окна с выбитыми стеклами, щели, предоставлявшие простор сквознякам, делали землянки похожими на отогретый ледник. До двухсот человек, загнанных в такую землянку, не могли разместиться по нарам, и опоздавшие занять места на нарах располагались в проходах на земляном полу, где ручьями растекалось содержимое переполненной сорокаведерной «параши».

Впоследствии из землянок перевели во вновь отстроенный барак-тюрьму, но и там оказалось не лучше. Те же скученность, грязь, сырость. Мерзлые бревна оттаивали, со стен текло, отопления не полагалось.

Паек для заключенных был скуднее и хуже, чем на Мудьюге. На день выдавалось 200 граммов непропеченного, затвердевшего хлеба и по консервной банке (вместо мисок) подобия супа, сваренного на таком количестве сала, что можно было сомневаться, клали ли его вообще. Вместо чая на всю землянку ставился ушат кипятку.

Паек распределялся по десяткам. Такой десяток, получив для себя хлеб и бурду, начинал священнодействие дележа. Оборванные, голодные люди становились вокруг резавшего хлеб и жадными глазами следили за этой процедурой. Во избежание споров хлеб развешивался на самодельных весах, а «суп» процеживали через сделанное из консервной банки сито, и уловленные крупинки делились поровну, после чего разливался самый «суп».

Первые месяцы иоканьгской каторги каждый вечер производилась поверка. Заключенных выстраивали на улице и во всякую погоду заставляли разуваться. Арестованные,

полуодетые в летние лохмотья, босые, стояли на подостланных портянках все время поверки. После нее начинались обыски. Обыскивали по доносам провокаторов, шпионов и просто по болезненной мнительности администрации, подозревавшей, что заключенные имеют при себе ножи и т. п. опасные для ее жизни орудия. Впоследствии такие поверки были отменены, но обыски с избиением вошли в систему.

Каторжане на поверке могли хоть подышать свежим воздухом, а потом их и этого лишили. На работы ходили только дисциплинарники, составлявшие около половины заключенных. Остальные находились взаперти круглые сутки, обреченные на томительное бездельничание. Организм большинства, уже истощенный пребыванием в губернской тюрьме или на Мудьюге, в условиях Иоканьги стал более восприимчивым к заболеваниям цынгой, брюшным, вернее голодным тифом, дизентерией. Надо думать, не иначе как для содействия заболеванию заключенных им было приказано спать, вообще лежать без движения по 18 часов в сутки. Никакие движения и разговоры за 18-часовую ночь не допускались. Какой-нибудь шорох или шопот в бараке предоставлял конвою право открывать пулеметную и ружейную стрельбу.

Как и всякая «благоустроенная» тюрьма, Иоканьга имела соответствующий карцер. Годовой опыт Мудьюгской каторжной тюрьмы не пропал даром: под карцер приспособили ледник, прибавили пытку холодом. Чтобы сделать пребывание в карцере совершенно невыносимым, посаженным туда не давали ни горячей пищи, ни одеял. Спать можно было только на голой земле. Неудивительно, что редкие выдерживали отсидку в карцере, и часто по утрам надзиратели вместо заключенных обнаруживали окоченевшие трупы.

Восемнадцатичасовые ночи не были спокойными. К мукам голода прибавлялся страх ожидания обысков с жестоким избиением. После команды «ложись спать», чтобы не навлечь очередного массового избиения, никто не решался разговаривать или вставать с нар. Палачи совершенно не считались с тем, что доведенные до отчаяния и больные люди бредят во сне. Для караульных было достаточно бредового вскрика, чтобы ворваться в барак и пустить приклады по ногам спящих, не разбираясь, кто нарушил тишину ночи.

В избиениях наиболее деятельное участие принимал сам начальник каторги Судаков. Врываясь в барак с ватагой конвойных, Судаков пускал в ход свою палку-дубину, револьвер, кулаки, ноги, обутые в тяжелые сапоги. Конвойные, в угоду начальству, старались не отставать от Судакова. Площадная брань конвойных, стоны избиваемых, свист судаковской палки, удары прикладов и рукояток револьверов создавали впечатление какого-то чудовищного сна наяву. Посторонний человек принял бы тюрьму в такое время за сумасшедший дом. Избиения порождали новые жертвы. Так, например, секретарь Савинского вика В. С. Фомин, сваленный с ног, был растоптан на-смерть лично Судаковым: у Фомина оказался раздавленным живот. Хамеляйнену Судаков же прикладом винтовки раздробил кость ноги. Хамеляйнен умер. Об убитых им или его соратниками Судаков рапортовал, как об умерших от цынги: значится и умершим от цынги. Умершим от цынги значится и растоптанный им Фомин. Под рапортом подпись Судакова, скрепленная подписью фельдшера.

Член белогвардейского правительства Борис Соколов говорит:

«Если бы мне кто-нибудь рассказал о нравах Иоканьги, то я бы ему не поверил. Но виденному собственными глазами нельзя не верить».¹

Людей, истощенных голодом, измученных побоями, стали подхватывать эпидемии. Бич полярных и приполярных стран — цынга вырывала одну жертву за другой. К ней прибавились дизентерия, тиф, — но режим не смягчался. Если на Мудьюге, хотя бы для вида, имелся доктор, то на иоканьгской каторге был только один фельдшер, за свою осведомленность в медицинской науке прозванный «коновалом». То ли из-за отсутствия лекарств, то ли из-за незнания их применения, «коновал» больным прописывал одно только лекарство — жженный и истолченный в порошок хлеб. Лазарет с несколькими койками обслуживал только незначительную часть больных, да и лечения там, кроме того же «порошка», не было. Основная масса больных оставалась в общих бараках. Цынготные с распухшими ногами, кровоточащими деснами лежали

¹ Б. Соколов, Гражданская война в Сибири и Северной области, стр. 368.

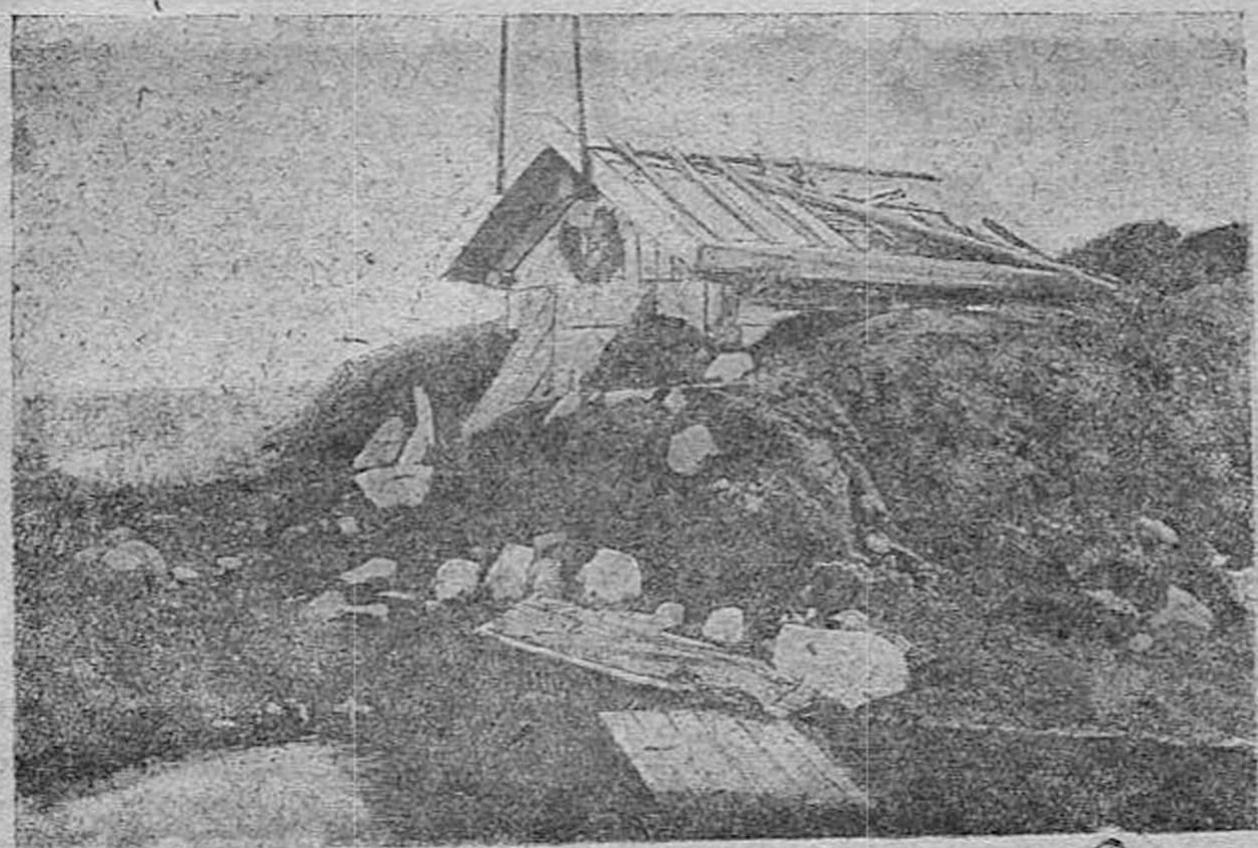
между здоровыми, вернее — между товарищами, еще не потерявшими способности двигаться самостоятельно. Впоследствии стало некуда убирать и больных дизентерией. Они оставались вместе со всеми, заражая других. Воздух тюрьмы, отравленный испарениями сотен тел и сорокаведерной параша, теперь отравлялся еще запахом гниющих заживо от цынги и больных дизентерией. Многие из заключенных каждое утро находили рядом с собой застывший труп товарища. Наибольшая смертность была в цынготной камере лазарета. Туда ежедневно наряжалась партия каторжан для уборки трупов. Тов. Юрченков (Васильев), участвовавший в одной из таких «уборок», вспоминает: «Когда мы открыли дверь камеры цынготных, на нас пахнуло таким ужасным запахом, что мы едва не упали в обморок. Большинство из арестованных, находящихся в этой камере, уже не могло вставать и испражнялось под себя. Умершие лежали на нарах вплотную вместе с живыми, при чем живые были не лучше мертвецов; грязные, покрытые струпьями, в рваном тряпье, заживо разлагающиеся, они представляли кошмарную картину. Начали отделять мертвых от живых и выносить их на сани. Всего мы вынесли 5 человек. Оставшееся после них тряпье разобрали те, кто еще мог шевелиться».

Мертвецкой служил полуразрушенный сарай. Там за короткое время скопилось до 70 трупов. Трупы валялись словно беспорядочная куча дров, занесенных снегом, — с той разницей, что из нее торчали окоченевшие синие и почерневшие руки и ноги. Куча пополнялась вновь приносимыми трупами. Заключенных, приносящих трупы в мертвецкую и не желавших ступить по телам умерших товарищей, конвойные гнали пинками, прикладами, площадной бранью: «Ступай смелее... Жалеете, сволочи, своих... Сами тут будете».

Каменистая, скованная морозом земля Иоканьги не принимала мертвых. Для братской могилы пришлось приспособить заброшенный винный погреб. К концу Иоканьги в братской могиле-погребе лежало 172 трупа, а всех умерших и убитых значится более 250 человек. Таким образом, около 80 человек заключенных Иоканьги «пропали без вести». Это «таинственное» исчезновение 80 заключенных постепенно вскрывается: в 1922 году, через два года после изгнания белогвардейцев, рабочими, ремонтировавшими Иоканьгскую радиостанцию и маяк,

обнаружено 5 скелетов, зарытых мхом... Иоканьгский полуостров достаточно обширен, чтобы скрыть несколько десятков трупов...

Исключительный по своей жестокости режим, голод, эпидемии, очень слабая надежда пробраться за сотни километров фронтовой полосы по болотам до Советской России — не остановили решимости вырваться на свободу. Наиболее твердые, не упавшие духом, поставили целью во что бы то ни стало или пробиться к Красной армии, или умететь свободными. Иного исхода не было.

15. Братская могила Иоканьги

В ноябре создается инициативная группа, пришедшая к выводу, что для побега есть только один путь, как и на Мудьюге, — восстание. Руководителями восстания группа выделила П. Соколова и бывшего лейтенанта Васильева. Подготовка к восстанию и побегу велась интенсивно, нашлось много сторонников, но все оказалось напрасным. В землянке, где организовалась инициативная группа, нашлись предатели — Коробов, Шишков и др., которые донесли, что замышляется побег. Усилился надзор, и побег пришлось отложить. И все же через некоторое время попытка повторилась. В одной из землянок некто

Габасов повел подкоп. Как и первый раз, о подкопе донесли, администрация заметила оседавшую снаружи землю.

После раскрытия подкопа 12 человек инициативной группы были изолированы в отдельном бараке, где Судаков с отрядом конвоя избил их до потери сознания. Конвойным Судаков приказал: «Без моего разрешения ни пить, ни есть не давать. Пусть дохнут с голоду или замерзают. При малейшем шорохе открывайте по ним стрельбу».

На счастье инициаторов побега, предатели не знали, в чьих именно руках находилось руководство подготовкой восстания. На допросах никто не выдал, и благодаря этому обстоятельству дело обошлось без расстрела. Но Судаков сорвал свое на всей массе каторжан. Под свежим впечатлением только что раскрытой попытки, он по своему почину произвел неслыханную даже в истории каторжных тюрем расправу. Ночью, когда все заключенные спали, Судаков с отрядом конвоя оцепил с двух сторон барак и подал команду: «Прямо по бараку, на уровне нар — пальба». За первым залпом несколько минут следовала беспорядочная стрельба, прерываемая выкриками Судакова: «Стреляйте еще в подлецов». После обстрела весь отряд ворвался, чтобы закончить расправу. Барак наполнился стонами умирающих, раненых, избиваемых. Судаков по направлению стонов стрелял из браунинга, а отряд действовал прикладами.

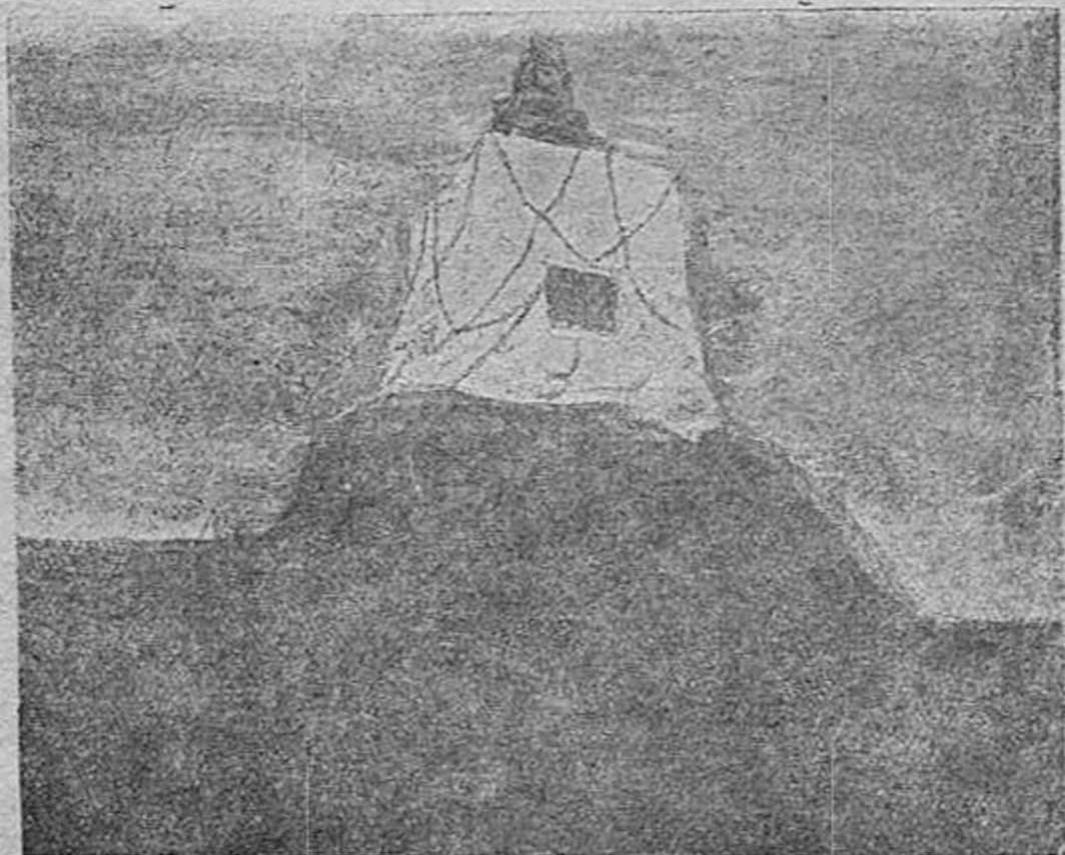
После побоища из барака вынесли 9 убитых и до 30 раненых. Многие из них вскоре умерли, и число убитых достигло 23 человек.

В январе-феврале 1920 года, в связи с начавшимся поражением белых, режим Иоканьгской каторги несколько смягчился, но уже было поздно. Большую часть заключенных захватили цынга, дизентерия, а не заболевшие еле передвигались от истощения. Судаков приутих, а заключенные, не получая никаких известий с воли, стали догадываться, что положение белых окончательно пошатнулось, и развязка близка.

20 февраля 1920 года радио принесло долгожданную весть: в Архангельске советская власть, Миллер бежал. Бывшие каторжане арестовали свою стражу и избрали Иоканьгский исполком. Освобождение и арест стражи, в том числе и Судакова, прошли организованно, стражу не тронули, оставив до суда.

Несмотря на ряд настойчивых телеграмм Иоканьгского исполкома, ни Архангельск, ни Мурманск не могли дать судов для вывоза бывших заключенных. Наконец через 10 дней ожидания на Иоканьгу пришло два парохода из Мурманска. Прибыл и медицинский персонал с медикаментами.

За 10 дней ожидания иоканьгцы пережили многое. Цынга стала захватывать поголовно всех. Несмотря на хорошее питание и заботливый уход товарищей, смерть

16. Иоканьгский памятник жертвам интервенции

продолжала вырывать по 7-9 человек ежедневно. 80-90 человек заключенных, уже ожидавших свободы, навсегда остались на Иоканьге.

Насколько велика была смертность в последние дни до освобождения и после освобождения, показывают кошмарные цифры, сообщенные 26 февраля телеграммой Иоканьгского исполкома в Архангельск:

... «Сообщаем, как часто мы производим похороны. 7/2 (7 февраля) похоронили 36, 9/2 хоронили 14, 13/2 хоронили 8, 16/2 хоронили 12, 20/2 хоронили 16, 25/2 хоронили 21, и к 8 часам вечера померло еще 4 человека...

Процент умирающих увеличивается, так же, как и процент заболеваемости... Наверно скоро дойдет до того что некому будет варить пищу и доставлять дрова. По сведениям фельдшера, кандидатов на братскую могилу сто двадцать три человека, которые умирают каждый день, кроме этого еще имеется больных около 280 человек (шевелющих руками)...

Только 1 марта 1920 года на Иоканьгу пришли ледоколы «Русанов», «Сибиряков» и «Таймыр», забрали иоканьгцев и доставили их в Мурманск.

Рабочий Мурманск торжественно встретил освобожденных и проводил умерших, так как за суточный переход с Иоканьги до Мурманска умерло еще 24 человека.

Из Мурманска больные иоканьгцы по железной дороге разъехались домой, при чем в лазарете каждого города, где они останавливались, оставался умершим тот или иной товарищ. Не помогали ни медицина, ни заботливый уход друзей.

Часть освобожденных из менее больных выехала в Архангельск морем. Тем же путем увезли 100 человек бывшего, теперь арестованного, гарнизона и администрации Иоканьги.

Последняя и самая страшная тюрьма белых — Иоканьга — осталась тяжелым воспоминанием.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

